

человек загадка

Ольга
ЕЛИСЕЕВА

ТАЙНА
СМЕРТИ

ПЕТР III

Человек-загадка

Ольга Елисеева

Петр III. Тайна смерти

«ВЕЧЕ»

2015

Елисеева О. И.

Петр III. Тайна смерти / О. И. Елисеева — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Человек-загадка)

ISBN 978-5-4444-8330-5

За два с половиной века сложился негативный стереотип восприятия Петра III. И для этого есть все основания. Автор книги постаралась показать, что короткое царствование внука Петра Великого – вовсе не досадное недоразумение в русской истории. Оно продемонстрировало необходимость новой волны европеизационных реформ и дало понять власти предержавной, как их не надо проводить. Стал ли несчастный Петр Федорович жертвой своих поспешных начинаний? Трудного характера? Психического расстройства? Всего понемногу. Его гибель в результате переворота – роковая и, к сожалению, неизбежная развязка. Однако, говоря об этом государе, следует избавиться от одного несправедливого мнения...

ISBN 978-5-4444-8330-5

© Елисеева О. И., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Пролог	6
«Прослыть лгуном»	7
«Он убежден, что погибнет в России»	11
Глава 1. Реализованная альтернатива	13
«Не смешной арлекин»	17
«Не в пользу особе императора»	20
«Сделала я следующее заключение...»	23
«Сии страдальцы»	25
«Разве вы были крепостные?»	30
«Ненавистное выражение»	35
Глава 2. Камень веры	37
«Православным владычествовать восхотел»	39
«Все бездельники»	43
Совет или сенат	47
«Найдите денег, где хотите»	50
«Ваши выгоды – мои выгоды»	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ольга Елисева

Петр III. Тайна смерти

© Елисева О.И., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

Пролог

Сквозь голые стволы лип просвечивают желтоватые руины дворца.

Скелет дома через скелет леса.

Белые колонны и лепная отделка окон давно раскрошились, крыша упала. Строительный хлам и обгоревшие балки мешают пройти по анфиладе комнат. У ног звенит по камням неглубокий ручей – все, что осталось от водных потех Ропши. Некогда бескрайний парк рассечен шоссейными дорогами и обрезан едва ли не под самые ступени постройки.

Грустное, безотрадное зрелище.

Такое же, как судьба погибшего здесь в середине XVIII столетия императора Петра III. Внука Петра Великого. Мужа Великой Екатерины. Он кажется таким крошечным рядом с этими исполинами-тенями, что его след почти незаметен в русской истории.

Почти.

Тем не менее он жил. Правил. Пусть недолго, но бурно. И даже создал эпоху, в которой все было вывернуто наизнанку, поставлено с ног на голову, лишено привычного течения. Казалось, сумасшествие охватывает власть, армию, Церковь... Пьяный вихрь под звуки расстроенной скрипки государя.

Похмелье было страшным. В крови. Но многие молились, что в крови одного человека – того, кто мог потянуть за собой тысячи.

Пройдут годы, и исследователи начнут находить в чудачествах Петра многозначные символы, а в бессмысленных, на взгляд современников, поступках – зерна будущих преобразований, прославивших «золотой век» Екатерины II.

Некоторые даже зададутся вопросом: а не мог бы он сам совершить деяния своей «преступной» супруги? И стать таким же великим? Еще более великим, чем она!

Нет.

Для реформ нужны терпение, твердая воля, ясный ум, знание своей страны и не в последнюю очередь – любовь к ней. Умение находить компромисс, добиваться поддержки подданных. Всего этого не хватило Петру III.

Но неужели обязательная плата за несовершенство характера – смерть?

«Прослыть лгуном»

За два с половиной века сложился негативный стереотип восприятия Петра, для которого есть все основания. Наивно утверждать, будто он появился только под влиянием мемуаров Екатерины II и Е.Р. Дашковой, недоброжелательных к свергнутому императору и сумевших навязать свое мнение позднейшим исследователям. Конечно, названные дамы добавили темных красок к портрету побежденного врага. Однако следует учитывать, что в момент переворота их «Записки» еще не были написаны, а образ Петра III как «злодея всея Руси» уже преобладал в тогдашнем столичном обществе. Иначе не произошло бы самого мятежа.

В ситуации, когда почти все отзывы современников отрицательны, а убийственные характеристики ученых кажутся написанными под копирку, психологически понятно стремление разрушить стереотип, взорвать привычную картину и показать Петра «не таким». Однако изменение сложившихся взглядов возможно только путем привлечения неизвестных ранее источников или нового, более внимательного прочтения старых.

А документы как раз не радуют разнообразием оценок. Положительных практически нет, с огромным трудом удается найти нейтральные, которые тонут в море неприязненных. В попытке переложить вину за вековую предвзятость на плечи Екатерины II и ее сподвижницы с бойким пером – княгини Дашковой – есть доля лукавства. Их тексты вычлняются из целого корпуса подобных же и объявляются ложными. Логика вроде бы безупречна: спросите предполагаемого убийцу о жертве, и он нарисует ее самыми черными тонами. Но в кругу источников о злосчастном императоре воспоминания «заинтересованных лиц» вовсе не одиноки. Хуже того, они практически не выделяются из основного потока.

Приведем пример. В предыдущей книге «Молодая Екатерина» мы коснулись истории о том, как отец Петра Федоровича, герцог Карл-Фридрих Голштинский, в 1736 г. изгнал наводивших его владения цыган. Бродягам отрезали уши и пальцы, клеймили каленым железом, колесовали, сжигали заживо. В Шлезвиг-Голштинском земельном архиве сохранились собственноручные рисунки герцога с изображением этих казней. Возможно, отец взял с собой в рейд и малолетнего сына. Этот эпизод, по мысли биографа Петра III А.С. Мильникова, лег в основу фантастических историй, которые император позднее рассказывал о своих победах во главе голштинской армии. Сами басни – не более чем эскапада со стороны склонного к шутке государя, а распространительницами сведений о них стали Екатерина II и ее вечная тень – Дашкова. Последняя услышала этот эпизод весной 1762 г. в доме своего дяди, канцлера М.И. Воронцова.

Екатерина Алексеевна и Петр Федорович. Художница А.Р. Лисчевская

«Я стояла за его (императора. – *О.Е.*) столом, – вспоминала княгиня, – в то время как он рассказывал австрийскому послу, графу Мерси, и прусскому министру, как в бытность его

в Киле, в Голштинии, еще при жизни своего отца, ему поручено было изгнать богемцев из города; он взял эскадрон карабинеров и роту пехоты и в один миг очистил от них город. Граф Мерси бледнел и краснел, не зная, подразумевает ли император под богемцами кочующих цыган или подданных его императрицы, королевы Венгрии и Богемии (Марии-Терезии. – *О.Е.*) ... Я наклонилась над ним (Петром III. – *О.Е.*) и сказала ему тихо по-русски, что ему не следует рассказывать подобные вещи иностранным министрам и что если в Киле и были нищие цыгане, то их выгнала, вероятно, полиция, а не он, который к тому же был в то время совсем ребенком.

– Вы маленькая дурочка, – ответил он, – и всегда со мной спорите».

Екатерина II и Дашкова были далеко не единственными, кто слышал от Петра Федоровича о его военных подвигах. Старый учитель императора и весьма мягкий к нему мемуарист Яков Штелин приводил вариант той же истории, где вместо цыган фигурировали датчане. Последние отняли у Голштинии Шлезвиг, поэтому Петр питал к ним стойкую наследственную ненависть. То ли цесаревич произвольно включил их в число военных трофеев, то ли профессор, наслушавшись о потерянных землях, перепутал северных соседей с цыганами. «Он часто рассказывал, что, будучи лейтенантом, с отрядом голштинцев разбил отряд датчан, – писал Яков Яковлевич об ученике. – Об этом событии не мог рассказать мне ни один из голштинцев, которые находились при нем с малолетства. Все полагали, что он только для шутки рассказывает такие, слишком неправдоподобные, истории. Но, часто рассказывая их, в особенности иностранцам, он сам стал им наконец верить и считать их не за шутку. Между прочим, уже будучи императором, рассказывал он это однажды императорскому римскому посланнику – графу Мерси, который спрашивал меня о подробностях этого случая и о времени, когда оно совершилось, но я отвечал ему: “Ваше сиятельство, вероятно, ослышалось, император рассказывал это как сон, виденный им в Голштинии”».

В 1756 г. эту историю от Петра слышал секретарь английского посольства – молодой поляк Станислав Понятовский, к которому великий князь некоторое время благоволил, поскольку тот сносно владел немецким. «Пруссаком я, конечно, не был, но по-немецки говорил. Легко приспособиваясь к тональности бесед великого князя, я сумел, очевидно, понравиться ему... Принц сохранил верность лютеранской церкви, крестившей его при рождении, преувеличенное представление о значительности своей Голштинии и убеждение, что голштинские войска, во главе которых он будто бы сражался и побеждал бог весть сколько раз, были после прусских лучшими в мире».

Зимой 1757 г. с историей об изгнании цыган ознакомила Екатерина. Она считала, будто муж плетет небылицы, «дабы придать себе цены в глазах иной молодой женщины или девицы». «Когда он (Петр. – *О.Е.*) еще находился у своего отца в Голштинии, его отец поставил его во главе небольшого отряда своей стражи и послал взять шайку цыган, бродившую в окрестностях Килия и совершавшую, по его словам, страшные разбои, – вспоминала императрица. – Об этих последних он рассказывал в подробностях, так же как и о хитростях, которые он употребил, чтобы их преследовать, чтобы их окружить, чтобы дать им одно или несколько сражений, в которых, по его уверению, он проявил чудеса ловкости и мужества, после чего он их взял и привел в Киль». Когда Екатерина спросила, за сколько лет до смерти герцога Карла-Фридриха происходили эти события, великий князь ответил: «Года за три или четыре». «Ну, – сказала я, – вы таки очень молодым начали совершать подвиги... Вам было всего 6 или 7 лет». По словам императрицы, муж «ужасно рассердился» на нее и заявил, будто она «хочет заставить его прослыть лгуном». Последовал убийственный ответ: «Не я, а календарь подрывает к вам доверие». На время Петр Федорович замолчал, но через пару дней снова пустился «рассказывать эту басню, которую до бесконечности разнообразил».

Итак, мы видим, как свидетельства императрицы и княгини изымаются из круга других источников и объявляются карикатурой. Передавая рассказ Дашковой, Мыльников делает оговорку: «как она уверяет». Можно предположить, что княгиня выдумала если не сам эпизод, то

контекст, в котором его услышала. Но как же тогда быть со словами Штелина, которого обеспокоенно расспрашивал австрийский посол Мерси д'Аржанто? Трудно поверить, что биограф Петра III не знал замечания профессора, чьи «Записки» обильно цитировал.

Если изъять из круга источников мемуары императрицы, картина потеряет в красках, но в целом не изменится. Вряд ли стоит исключать из поля зрения отрицательные отзывы о Петре только потому, что они исходят от Екатерины, а потом вычищать подобные же у остальных современников. Куда интереснее наблюдать, как формировался сложный характер будущего самодержца.

«Он убежден, что погибнет в России»

Трудно было представить человека, менее подходившего для трона Петра I, чем его внук. Он был сыном младшей дочери великого реформатора, Анны, и голштинского герцога Карла-Фридриха. В три месяца мальчик потерял мать, а в 11 лет – отца. Его воспитывали жестокие и жадные придворные – О.Ф. Брюмер и Ф.В. Бехгольц. Запугиванием, побоями и унижительными наказаниями они довели болезненного нервного ребенка почти до идиотизма. Тайком мальчик пристрастился заливать горе крепким пивом и ко времени приезда в Россию уже был законченным пьяницей.

Взойдя на престол, бездетная Елизавета Петровна сделала племянника своим наследником. В январе 1742 г. Питер-Ульрих был привезен из Киля и принял православие под именем Петра Федоровича. Никто не поинтересовался, какого мнения о произошедшем сам мальчик. Между тем упрямый, впечатлительный ребенок болезненно переживал перемены в своей судьбе. По отцовской линии он имел права на шведскую корону. Поэтому дома его учили шведскому языку, истории и географии этой страны, воспитывали в строгой лютеранской вере. Мальчик с младых ногтей привык считать Россию врагом, и во время игр солдатики в синих шведских мундирах всегда «одерживали верх» над солдатиками в зеленых русских...

Придворные врачи уговаривали императрицу повременить с браком 17-летнего юноши из-за его слабого физического развития. В противном случае семейная жизнь могла обернуться для молодых только обоюдным горем. Так и случилось. Петр долгое время не мог исполнить супружеский долг и вымещал злобу на жене. «В Петергофе он забавлялся, обучая меня военным упражнениям, – позднее вспоминала Екатерина, – благодаря его заботам я до сих пор умею исполнять все ружейные приемы с точностью самого опытного гренадера».

Человек от природы не злой, скорее легкомысленный и не задумывавшийся над чужими чувствами, Петр был подвержен внезапным приступам жестокости. Мог повесить крысу за съеденного крахмального солдатика или на глазах у жены забить собаку арапником. Конечно, подобные сцены не укрепляли семьи. С годами супруги все более отдалялись друг от друга.

Много лет спустя, в 1774 г., Екатерина писала своей старинной гамбургской приятельнице, баронессе Иоганне Доротее Бьельке, о принцессе Елизавете-Шарлотте Ольденбургской, просватанной за герцога Карла Зюдерманландского, брата шведского короля: «Я думаю, что будущая герцогиня Зюдерманландская похожа на столько других девушек ее возраста: она в четырнадцать лет в восторге, что выходит замуж, а в двадцать будет очень жалеть, что вышла». В этих строках сквозит грустная ирония. Ведь и сама императрица побывала в роли 14-летней «счастливой невесты», которая в двадцать лет уже жалела о замужестве.

Характеры супругов не были сходны ни в чем. Пока Петр повествовал удивленным слушателям о мнимых подвигах на полях сражений, Екатерина собирала вокруг себя сторонников, и к концу царствования Елизаветы Петровны оказалась главой «довольно большой партии». Между великим князем и женой еще случались минуты откровенности, и тогда наследник признавался: «Он чувствует, что не рожден для России; что ни он не подходит вовсе для русских, ни русские для него, и что он убежден, что погибнет в России». Как непохожи эти слова на программу, составленную для себя Екатериной.

«Сердце не предвещало мне счастья, – писала она, – одно честолюбие меня поддерживало». Когда Елизавета Петровна еще до свадьбы спросила будущую невестку, что та желает посмотреть в Петербурге, девочка ответила: «Ваше величество, я хотела бы проехать той дорогой, которой проехали вы 25 ноября 1742 года». То есть во время переворота. После вступления Екатерины на престол ее слова стали трактовать как предчувствие великой судьбы. «В глубине души моей было, не знаю что такое, ни на минуту не оставлявшее мне сомнения,

что рано или поздно я добьюсь того, что сделаюсь самодержавною русскою императрицею», – писала она.

Приобретение полной власти для Екатерины, человека, не имевшего никаких прав на престол, было возможно только при условии смерти мужа. Таким образом, великая княгиня уже заранее рисовала картины будущего *без Петра*. Привыкнуть к этой мысли было нетрудно ввиду «характера этого господина». Однако пока психические особенности наследника оставались известны лишь узкому кругу приближенных. Пройдет время, и они вызовут дружный ропот подданных. Возмущение закончится драмой в Ропше.

Можно ли было ее избежать? И если «да», то зачем? Чтобы на престоле России оставался монарх, с трудом проводивший грань между собственными выдумками и реальностью?

Жестокие вопросы. Но нам придется ими задаваться. Потому что тайна гибели Петра Федоровича – это не только точная дата смерти. Или имя настоящего убийцы. Как и имена тех, кто за ним стоял. Загадка глубже. Почему законный император, внук Петра I, не смог сохранить корону? Был признан «чужим», отвергнут и убит?

Наш рассказ о неисполненном долге. Долге государя перед страной и страны перед государем. О порванных связях. И в конечном счете о несчастной любви.

Глава 1. Реализованная альтернатива

Ни одно из обещаний, данных Елизавете Петровне на смертном одре, молодой император выполнять не собирался. И окружающие отдавали себе в этом отчет. Нового государя боялись еще до прихода к власти. Со слов Панина Ассбург нарисовал обстановку при русском дворе: «Когда она (Елизавета. – *О.Е.*) скончалась, общая печаль до того всеми овладела, что довольно было взглянуть друг на друга, и слезы лились у всех из глаз».

Конный портрет Елизаветы Петровны со свитой. 1744 – 1755 гг. Художник Г. Преннер

Что же вменялось наследнику в вину? «Он курит табак, пьет пиво и водку, что вовсе не совпадает с изящными приемами двора, – сообщал в Париж Фавье. – Зато вполне согласно с нравами не только массы народа, но и русского дворянства, духовенства и военного класса. Удивительно, что нация осмеливается порицать в одном только великом князе образ жизни,

который так свойственен северному климату и так согласен не только с примером Петра Великого, но и с установившимися в России обычаями».

Перед нами парадокс. Петра III терпеть не могли именно за те качества, которые присущи народу в целом. И не только потому, что частный человек имеет возможность их прятать, а глава государства, находясь на виду, обнаруживает во всем безобразии. Это было бы половиной беды. За внуком Петра Великого не признавали права на национальные пороки. У деда они уравнивались гениальностью. Петру Федоровичу нечего было предъявить взамен. Наличие у него замашек предка воспринималось как нечто несообразное. Гротеск. Карикатура. Тем более обидная, что нарисована она иностранцем.

Елизавету любили, несмотря на легкомыслие и ограниченное участие в делах. То есть чисто интуитивно старались не замечать дурных свойств. В ее племяннике тоже интуитивно не угадывали хороших. Подданные словно ослепли. И не случайно. «Код» к их сердцам не был вскрыт Петром Федоровичем. Код прежде всего культурный – национальный, религиозный, языковой, поведенческий. Все, над чем так старательно работала Екатерина с первого дня пребывания в России, казалось ее супругу излишним. В результате его считали чужим. «Великий князь представляет поразительный пример силы природы, – замечал Фавье. – ...Он и теперь еще остается истым немцем и никогда не будет ничем другим».

От «своего» потерпели бы и не такие выходы, какие позволял себе Петр III. От чужака не приняли ни хорошего, ни плохого: ни мира с Пруссией, ни благоденствия дворянству, ни попыток предложить весьма здравые реформационные шаги. Все в равной мере казалось дурно.

Историки напрасно упрекают в нелюбви к альтернативному мышлению. Вопрос о том, что могло бы случиться, если бы... интересует профессионалов ничуть не меньше, чем дилетантов. Однако, в отличие от последних, ученые чаще всего в состоянии предположить, почему тот или иной путь не был реализован и даже не мог быть реализован. Это-то особенно и раздражает тех оппонентов, кто склонен пренебрегать подробностями.

История краткого – всего полгода – царствования Петра III как будто полна альтернатив. Проживи бедный император дольше – и как знать... Возможно, он создал бы в России гражданское общество. Отменил крепостное право. Провел реформы, достойные деда, и в конечном счете направил по лучшему руслу течение отечественной истории, избежав отдаленных трагедий.

Увы. Гражданское общество не создается одним указом – даже самым милостивым, – для этого нужны годы труда. Такой труд лег на Екатерину и был неблагодарным. О крестьянском вопросе Петр не задумывался всерьез. Во всяком случае, источники законодательного характера свидетельствуют, что для него крепостное право было чем-то незыблемым. Слабое здоровье молодого императора, расшатанное разгульной жизнью, не позволяло надеяться на долгое царствование. Если Петр Федорович хотел чего-то изменить, то должен был действовать быстро.

Он и действовал быстро. Вернее, торопливо. Хватался сразу за все и уже в следующую минуту переходил к другому предмету. «Главная ошибка этого государя, – писал Шумахер, – состояла в том, что он брался за слишком многие и к тому же слишком трудные дела, не взвесив своих сил, которых явно было недостаточно». За 186 дней царствования Петр издал 192 законодательных акта (манифесты, сенатские и именные указы и т. д.), иными словами, они появлялись ежедневно, а иногда букетом, по нескольку штук в день. Уже в первую неделю самостоятельного правления, до 31 декабря 1761 г., император успел подписать пять указов.

Если предположить, что Петр III сознавал, как мало ему отпущено, то станут понятны и поспешность в работе, и безудержное стремление наслаждаться женщинами, вином, парадами, музыкой – всем, что составляло для него жизнь. Это Екатерина пришла в Россию всерьез и надолго. А ее муж, как мотылек, готовился вот-вот отлететь. Потому Петр вздохнул и упивался властью и спешил осуществить назревшие, на его взгляд, преобразования.

По верному замечанию А.Б. Каменского, главные реформы заняли у молодого императора всего три дня: 18 февраля был подписан указ о вольности дворянства, 19-го – о секуляризации церковных земель, 21-го – о ликвидации Тайной канцелярии. Государю некогда было вдаваться в детали, продумывать и взвешивать каждый шаг, каждое слово в новых законах. Он реализовывал преобразования вчерне. И очень спешил.

Важно было успеть заключить мир с Пруссией, отнять у Дании Шлезвиг, развестись с Екатериной и жениться на любимой женщине, признать сына незаконным, обзавестись настоящими наследниками... За исключением первого пункта на остальное не хватило времени.

И все же следует признать, что история дала Петру III шанс. Полгода – вполне достаточный срок для того, чтобы продемонстрировать и свою программу, и методы, которыми правитель намерен добиваться поставленных целей. Вот почему мы считаем краткое царствование племянника Елизаветы реализованной альтернативой. Ему удалось показать, *что* нового он намерен сделать и *как* будет действовать. Эта программа и эти методы представляют большой интерес для историков.

«Не смешной арлекин»

Принято сокрушаться, что Екатерина оборвала «Записки», не доведя до смерти Елизаветы и до переворота. Но специалисты знают, что наша героиня оставила множество автобиографических заметок, изучение которых – особый, весьма сложный источниковедческий вопрос. Они касаются и кончины свекрови, и царствования Петра, и заговора, и первых шагов новой императрицы. К ним примыкает эпистолярный комплекс, например письма Станиславу Понятовскому. Если соединить эти документы вместе, то получится искомое продолжение – третья, недостающая часть мемуаров.

Так что в свидетельствах Екатерины у исследователей недостатка нет. Интересно сопоставлять их с отзывами других авторов – сторонников государыни, иностранных дипломатов, лиц из ближайшего окружения Петра.

Елизавета Петровна скончалась в Рождество, в три часа пополудни. По словам нашей героини, она осталась у тела, а ее супруг тотчас вышел, чтобы показаться членам собранной для этого Конференции. Оттуда он послал к жене одного из своих приближенных – генерал-поручика и президента Камер-коллегии Алексея Петровича Мельгунова – сказать, чтобы она не покидала усопшей. «Я из сего... заключила, что владывствующая фракция опасается моей инфлуенции», – писала Екатерина. Новую императрицу сразу постарались оттеснить от императора – он один направился в Конференцию, один представился гвардейским полком. Словом, вел себя так, словно законной супруги нет.

Штелин, говоря о первых шагах своего венценосного ученика, даже не упомянул о Екатерине, хотя поименно перечислил всех членов Комиссии траурного церемониала: «...фельд-маршала князя Трубецкого, гофмаршала графа Скавронского, князя Куракина, церемоний-мейстера графа Санти и барона Лефорта, господина Лобкова, герольдмейстера... Самарина, советника Голубцова и советника Штелина, которому лично поручено изобретение для парадной залы катафалка в соборе».

Такое умолчание знаменательно. Единственная сфера, где молодой государыне позволено было проявить себя, – это погребение августейшей тетки. Сама Екатерина весьма гордилась исполнением последнего долга перед усопшей: «Я ни во что не вступалась, окромя похорон покойной государыни, по которым траурной комиссии велено было мне докладываться, что я и исполнила со всяким радением, в чем я и заслужила похвалу от всех. Я же тут брала советы от старых дам, графини Марьи Андр[еевны] Румянцевой, графини Анны Карловны Воронцовой, от фельдмаршалши Аграфены Леонтьевны Апраксиной и иных, подручно случавшихся, в чем и на них угодила чрезвычайно».

Екатерина понимала, как выиграет в общественном мнении, если окажет покойной государыне надлежащие почести. Недаром она ссылалась на «похвалы от всех» и благорасположение старых дам. Казалось бы, зачем угождать лицам, от которых ничего не зависело и которые готовились вот-вот сойти со сцены вслед за Елизаветой? Но нет – языками этих кумушек создавалось большинство сплетен при дворе, и если они говорили о ком-то хорошо, то их мнение повторялось многими.

Одновременно Екатерина подчеркивала неприличное поведение супруга: «Тело императрицы Елизаветы Петровны едва успели убрать и положить на кровать с балдахином, как гофмаршал ко мне пришел с повесткою, что будет в галерее (то есть комнаты через три от усопшего тела) ужин, для которого повешено быть в светлом богатом платье... Погодя несколько пришли от государя мне сказать, чтоб я шла в церковь... Я нашла, что все собраны для присяги, после которой отпели вместо панихиды благодарственный молебен; митрополит новгородской Сеченов говорил речь государю. Сей был вне себя от радости и оной нимало не скрывал и имел совершенно позорное поведение, кривляясь всячески и не произнося кроме вздорных речей,

не соответствующих ни сану, ни обстоятельствам, представляя более не смешного Арлекина, нежели инаго чево, требуя однако всякое почтение».

Похоже, по свидетельствам современников, после кончины самой Екатерины II будет вести себя ее сын Павел. Мемуары графини В.Н. Головиной и письма великой княгини Елизаветы Алексеевны (супруги цесаревича Александра Павловича) рисуют на удивление близкую картину. «Великий князь Павел расположился в кабинете за спальней своей матери, – вспоминала Головина о последней ночи в жизни императрицы, – так что все, кому он давал распоряжения, проходили мимо государыни, еще не умершей, как будто ее уже не существовало. Эта профанация Величества, это кощунство... шокировало всех... Редко, когда перемена царствования не производит... переворот в положении приближенных; но то, что должно было произойти при восшествии на престол императора Павла, внушало всем ужас ввиду характера этого государя... Он достиг только того, что внушал страх и отвращение».

Сравним это описание со словами из донесения Бретейля от 11 января 1762 г.: «Преобладающее число людей испытывало к будущему императору ненависть и презрение, однако слабость и страх взяли верх. Все дрожали и поспешили с изъявлениями покорности еще до того, как императрица закрыла глаза».

Послушаем великую княгиню Елизавету Алексеевну. «Вы не можете представить себе воцарившейся ужасающей пустоты, уныния, сумрачности, которые овладели всеми вокруг кроме новых Величеств, – писала она родителям в Баден. – О! Я была оскорблена, как мало скорби выказал император... Ни единого слова о матери кроме неудовольствия и порицания всего, что делалось при ней... Когда императрицу обрядили... велено было войти для целования руки, оттуда прямо в церковь для принесения присяги. Вот еще одно отвратительное впечатление, которое мне пришлось испытать, – зрелище всех этих людей, клянущихся быть рабами и рабынями человека, которого я в ту минуту презирала. Видеть его таким самодовольным, таким счастливым на месте нашей доброй императрицы! О, это было ужасно! Мне казалось, что если кто и был создан для трона, то уж, конечно, не он, а она». И снова сравним сказанное с донесением Бретейля: «Все крайне недовольны царем, однако, по правде говоря, сами недовольные не более чем трусы и рабы».

Что до рабов и трусов, то нашлись люди «нерабственных о себе понятий», как характеризовал своего дядю, тогда молодого вахмистра Конногвардейского полка и участника будущего переворота, Григория Потемкина, его племянник А.Н. Самойлов. Другая будущая мятежница – княгиня Дашкова – описала впечатление, которое произвело на нее посещение дворца вскоре после кончины Елизаветы: «Мне казалось, что я попала в маскарад. На всех были другие мундиры; даже старик князь Трубецкой был затянут в мундире, в ботфортах со шпорами». Через 34 года картина повторилась до мелочей. «В 6 часов вечера пришел мой муж, – писала Елизавета Алексеевна. – Императрица была еще жива, но он был уже в своем новом мундире. Император более всего торопился переодеть своих сыновей в эту форму. Согласитесь, мама, какое убожество!»

Обратим внимание на поведенческие клише. В данном случае перед нами не только близость обстоятельств: и Петра III, и Павла I долгие годы держали, говоря словами Головиной, в «политическом ничтожестве». Заметна близость характеров отца и сына. Оба императора в известной степени не сумели сохранить лицо, проявляли «кощунство». И как следствие произошла «профанация Величества» в глазах подданных.

Ни слова об этой профанации не проронил Штелин. Вот его описание присяги: «Когда... великий князь как наследник престола принял поздравление от всех, призванных к двору, сенаторов, генералов и прочих чиновников, тогда он велел гвардейским полкам выстроиться на дворцовой площади, объехал их уже при наступлении ночи и принял от них приветствие и присягу. Полки выражали свою радость непрерывным ура своему новому полковнику и импе-

ратору и говорили громко: “Слава Богу! Наконец, после стольких женщин, которые управляли Россией, у нас теперь опять мужчина императором!”»

Совсем иначе поведение солдат описала Дашкова. Она сказалась больной и не поехала во дворец в первые дни после смерти Елизаветы Петровны. «Я могу засвидетельствовать как очевидец, – сообщила княгиня, – что гвардейские полки (из них Семеновский и Измайловский пошли мимо наших окон), идя во дворец присягать новому императору, были печальны, подавлены и не имели радостного вида... Солдаты говорили все вместе, но каким-то глухим голосом, порождавшим сдержанный и зловещий ропот, внушавший такое беспокойство и отчаяние, что я была бы рада убежать за сто верст от своего дома, чтобы его не слышать».

Дашкову легко обвинить в пристрастии. Однако и Штелин далек от точности. Слова, которые он привел, говорились не в день восшествия Петра III на престол, не по поводу присяги и далеко не всеми гвардейцами (что важно ввиду грядущих событий). В письме Фридриху II 15 мая 1762 г. император рассказывал, как еще в бытность великим князем он слышал от солдат *своего* полка: «Дай Бог, чтобы вы скорее были нашим государем, чтобы нам не быть под властью женщины». А что еще шеф мог услышать от нижних чинов, желавших заслужить его благосклонность? Вероятно, ученик не раз хвастался перед профессором подобными отзывами, слова запомнились и позднее были помещены Штелином в мемуары.

В реальности обстановка была намного сложнее. Недаром вокруг дворца сразу же по кончине Елизаветы Петровны расставили двойные караулы. Шумахер сообщал: «Все было спокойно, если не считать того, что при дворе как будто опасались каких-то волнений. Еще за 24 часа до смерти императрицы были поставлены под ружье все гвардейские полки. Закрылись кабаки. По всем улицам рассеялись сильные конные и пешие патрули. На площадях расставлены пикеты, стража при дворце удвоена. Под окнами нового императора разместили многочисленную артиллерию (не забудем, что ее начальником был П.И. Шувалов. – *О.Е.*). Она стояла там долго, пока не рассеялись опасения, и лишь по прошествии восьми дней ее убрали».

Слова датского дипломата подтверждала Екатерина, добавив любопытный факт: «В сие же время случились великие морозы; караульня же была мала и тесна, так что не помещались люди, и многие из солдат оставались на дворе. Сие обстоятельство в них произвело, да и в публике роптание». То был лишь отдаленный гул будущего недовольства. Однако сами по себе усиленные караулы очень показательны. Стало быть, сторонники Петра опасались сопротивления. И были к нему готовы. Екатерина благоразумно отложила решительные действия до того момента, когда супруг почувствует себя в безопасности и расслабится. Ее с первой минуты постарались изолировать у гроба покойной императрицы, а появления на публике побаивались. Вот почему рассказу нашей героини о похоронных хлопотах стоит верить. А старательному умолчанию о ее роли при погребении в «Записках» Штелина – нет. Молодая императрица была именно там, где могла в этот момент заработать политические дивиденды. Вернее, сумела превратить скромное место на задворках новой придворной жизни в пьедестал.

«Не в пользу особе императора»

Манифест Екатерины II от 6 июля изобиловал автобиографическими зарисовками, которые позднее в чуть измененном виде попали в записи мемуарного характера. Так, она сообщала о погребении Елизаветы Петровны и поведении мужа: «Бывши он великим князем... многие оказывал к... тетке и монархине своей озлобление и ко многим ее печалям... подавал причины... и почитал любовь ее к нему по крови крайним себе утеснением и порабощением... На тело ее, усопшее в Бозе, или вовсе не глядел, или... радостными глазами на гроб ее взирал, отзываясь при том неблагодарными к телу ее словами; и ежели бы не наше к крови ее присвоенное сродство и истинное к ней усердие... то бы и достоидного такой... великодушной монархине погребения телу ее не отправлено было».

Именно с этими строками спорил почтенный профессор, подчеркивая заботу своего ученика о похоронах тетки: «На другой день (26 декабря 1761 г. – *О.Е.*) император назначил особую комиссию для устройства великолепнейшего погребения. Он приказал, чтобы не жалели ничего для великолепия траурной парадной залы, похоронной процессии и места погребения. На это его величество назначил тотчас 100 т. руб. наличными деньгами... Штелину поручено было составить план для аллегорической траурной парадной залы в дворце и великолепного катафалка в соборном храме Петра и Павла, в крепости, вместе с прочими орнаментами. За этим работали день и ночь, чтобы по приказанию императора все было готово в первых числах февраля... Император заехал однажды в крепость, осмотрел постройку катафалка и сказал, что... если недостаточно будет назначенной суммы, то он прибавит еще».

О Екатерине ни слова. А ведь как член погребальной комиссии Штелин должен был отчитываться именно перед ней. Впрочем, и императрица в «Записках» сделала вид, будто профессора не существовало. Давняя и стойкая неприязнь. Характерно, что Екатерина перечислила не членов комиссии, а старых дам, с которыми советовалась об устройстве похорон. Возможно, ими-то она и руководила. Однако по-настоящему важным было ее постоянное присутствие при теле. Она как бы персонифицировала в своей особе общее горе.

«Императрица завоевывает все умы, – доносил Бретейль 15 февраля. – Никто более, чем она, не изъясняет усердия в исполнении зауспокойных обрядов по усопшей государыне, кои в греческой религии многочисленны и исполнены суеверий, чему она, несомненно, про себя и смеется, но духовенство и народ весьма довольны ее поведением. С поразительной скрупулезностью соблюдает она все церковные праздники, все посты и постные дни, равно как и все прочее, что трактуется императором в лучшем случае с пренебрежением. Наконец, она ничем не манкирует ради того, чтобы понравиться всем и каждому, и даже излишне в сем усердствует». Насколько старания Екатерины были излишними, показал грядущий переворот.

Обратим внимание: оба супруга пострадали от Елизаветы Петровны, отношения Екатерины с августейшей теткой были не менее сложны, чем у ее мужа. Однако есть случаи, когда нужно, говоря словами нашей героини, «соответствовать обстоятельствам». Нарушение Петром официальных приличий оскорбляло двор, гвардию, духовенство, горожан. А ведь равнодушие приближенных к судьбе монарха – важное условие успешного переворота.

А.Г. Разумовский. Неизвестный художник

Когда 25 января тело Елизаветы Петровны повезли из дворца в Петропавловскую крепость, Петр выкинул новое коленце. «Император в сей день был чрезмерно весел, – вспоминала Екатерина, – и посреди церемонии сей траурной сделал себе забаву: нарочно отстанет от везущего тело одра, пустя оного вперед сажен тридцать, потом изо всей силы добежит». Отчего камергеры, несшие шлейф траурной епанчи государя, выпустили его из рук. «И как ветром ее раздувало, то сие Петру III пуще забавно стало, и он повторил несколько раз сию шутку». Остальная процессия вынуждена была остановиться, поджидать отставших, ряды смешались, торжественная мрачность нарушилась. «О непристойном поведении сем произошли многие разговоры не в пользу особе императора».

С этого дня толки о «безрассудных его поступках» перестали быть достоянием узкого круга придворных. Перенос тела видело множество зевак, и поведение нового монарха, мягко говоря, их удивило. Если бы дело обстояло так, как писал Штелин, то политический капитал на похоронах тетки заработал Петр, а не Екатерина.

Профессор вообще сглаживал углы. Он одной строкой упомянул ужин на 30 «знатнейших персон», состоявшийся в ночь после кончины Елизаветы. А вот Екатерина не пожалела красок: «Стол поставлен был в куртажной галерее персон на полтораста и более, и галерея набита была зрителями. Многие, не нашед места за ужином, ходили так же около стола, в том числе Иван Иванович Шувалов». У последнего «хотя знаки отчаяния были на щеке, ибо видно было, как пяти пальцами кожа содрана была, но тут, за столом Петра III стоял, шутил и смеялся с ним... Множество дам также ужинали: многие из них так, как и я, были с расплаканными глазами, а многие из них в тот же день, не быв в дружбе, между собою помирились».

Красноречивая деталь. Общее горе сближает. Елизавету действительно любили, именно поэтому на поведение Петра отреагировали так болезненно. Однако сколько же человек в действительности присутствовало на торжественном ужине: 30, как у Штелина, или «полтора», как у Екатерины? Может быть, наша героиня опять пристрастна? Весьма расположенный к Петру Федоровичу Кейт сообщал, что его «удостоили чести быть приглашенным к обеду за столом на сто кувертов». Все-таки новая императрица ближе к истине.

Екатерина тонко поняла настроение окружающих: о Елизавете жалели, Петра боялись или презирали, ей же за общие со всеми слезы были благодарны. А вот Иван Шувалов явно проиграл и, видимо, только теперь до конца осознал свою ошибку. Он не сумел сблизиться с Екатериной, надеясь отказом от действий в пользу Павла купить расположение нового государя. Но у Петра не нашлось для вчерашнего фаворита даже места за столом. Более того, он сразу после кончины Елизаветы ухитрился нанести вельможе чувствительную обиду.

«Удивительным был... поступок императора по отношению к камергеру Ивану Ивановичу Шувалову, – писал Шумахер. – Он вменил ему в вину, что тот сразу после кончины императрицы представил Петра дворцовой страже и отрекомендовал в качестве их будущего императора. Как будто-де не было ясно само собой, что внук Петра I и в течение многих лет официальный наследник престола должен принять власть вслед за императрицей Елизаветой!»

В отличие от Петра Федоровича, Шуваловы понимали, что ситуация для подданных вовсе не так однозначна, как кажется на первый взгляд. Гвардейцам следует сказать, кто именно принял власть. Что и было сделано, но задело нового монарха. Впрочем, Петр зла не держал. Отругав Ивана Ивановича и не посадив его за стол, он тем не менее шутил с ним. А позднее, по отзыву Штелина, снизошел до дружеских утешений. Однажды, когда речь зашла о покойной Елизавете, у камергера невольно потекли слезы. «Выбрось из головы, Иван Иванович, чем была тебе императрица, – сказал ему Петр, – и будь уверен, что ты, ради ее памяти, найдешь и во мне друга».

Профессору эта сцена показалась трогательной. А вот самому Шувалову должна была причинить боль. Ведь он ни при каких условиях не мог «выбросить из головы», «чем была» ему Елизавета. Задев прежнего фаворита, император отталкивал от себя сильную придворную группировку. Мало того что теперь Шуваловы должны были уступить первенство Воронцовым – будущей царской родне, их ожидал полный уход со сцены. После смерти Петра Ивановича, которому государь устроил действительно великолепные похороны, более никто из клана не имел влияния на монарха. Из союзников они стали просто слугами. Такое не забывают.

«Сделала я следующее заключение...»

Екатерине оставалось пока только ждать. В первое время после кончины Елизаветы она, по собственному признанию, много плакала. И на людях. И наедине с собой. На третий день, надев черное платье, молодая императрица отправилась к телу, где отстояла панихиду. Почти никого не было. «Потом посетила я графа Алексея Григорьевича Разумовского¹ в его покое во дворце... Он хотел пасть к ногам моим, но я, не допусая его до того, обняла его и, обнявшись оба, мы завывли голосом и не могли почти говорить слова оба».

Прекрасная сцена! Оказывается, Екатерина, проливавшая в эти дни потоки публичных слез, нуждалась в том, чтобы подальше от чужих взглядов ослабить тиски и разрыдаться наедине с искренним, почти родным человеком. Конечно, оба плакали о разном. Но то было не показное горе. Именно здесь наша героиня получила душевную поддержку.

Будущее представлялось ей в самых безрадостных тонах. Придя с развеселого ужина в день кончины Елизаветы, она не смогла заснуть. «Сон далеко от меня был... и начала размышлять о прошедшем, настоящем и будущем... Говорила я себе: твою инфлуенцию опасаются; удались от всего; ты знаешь, с кем дело имеешь, по твоим мыслям и правилам дела не поведут, следовательно, ни чести, ни славы тут не будет; пусть их делают, что хотят».

Рюльер сообщал на первый взгляд фантастические подробности, которые могли бы объяснить, почему императрица перед самым восшествием мужа на престол надеялась, что дела поведут по ее «мыслям и правилам». Француз узнал, будто Елизавета незадолго до кончины заставила племянника примириться с женой, тот якобы вернул Екатерине «прежнюю доверенность», а она «убедила его, чтобы не гвардейские полки провозглашали его, говоря, что в сем обыкновении видимо древнее варварство, и для нынешних россиян гораздо почтеннее, если новый государь признан будет в Сенате». За этим пассажем слышится голос отнюдь не Екатерины, а Панина с его излюбленным проектом ограничения власти монарха посредством одного из высших государственных органов. Недаром именно Никиту Ивановича называют главным информатором дипломата.

По словам Рюльера, Екатерина была уверена, «что в правлении, где будут соблюдаемы формы», она сможет скоро «подчинить все своей воле». «Министры были на ее стороне, сенаторы предупреждены. Она сочинила речь, которую ему (Петру. – *О.Е.*) надлежало произнести. Но едва скончалась Елизавета, император в восторге радости немедленно явился к гвардии и, ободренный восклицаниями, деспотически приняв полную власть, отринул все противоположные препятствия».

Если вспомнить, что Петр не сам «явился к гвардии», а его «представил караульным» как нового государя Шувалов, Екатерина же тем временем оказалась фактически изолирована у тела покойной императрицы, то придется признать, что какие-то смутные отзвуки несостоявшегося участия Сената в провозглашении нового монарха Рюльер уловил. Возможно, сенаторы готовы были вступить в негласный союз с нашей героиней. Если же прибавить немедленно последовавшее за кончиной Елизаветы распоряжение Петра о замене генерал-прокурора Сената и дважды повторенные в «Записках» слова Екатерины: «моей инфлуенции опасаются», то картина станет прозрачнее. Видимо, генерал-прокурор Я.П. Шаховской – человек легендарной щепетильности, у которого были трения с Петром Федоровичем по финансовым вопросам, – мог поддержать попытку ограничения власти самодержца.

¹ Разумовский А.Г. (1709–1771) – первый фаворит императрицы Елизаветы и с 1741 г. ее тайный супруг. Покровитель канцлера А.П. Бестужева. Дружески относился к великой княгине Екатерине, в которую некоторое время был влюблен его младший брат Кирилл. Шуваловы оттеснили от власти клан Разумовских, однако последние продолжали пользоваться заслуженным расположением общества. Их привязанность к Екатерине помогла ей приобрести многих сторонников. О непростых отношениях цесаревны с семейством Разумовских смотри подробнее книгу «Молодая Екатерина».

О его добрых отношениях с Екатериной говорят ее отзывы на страницах мемуаров: «Тело императрицы еще обмывали, когда мне пришли сказать, что генерал-прокурор князь Шаховской отставлен по его прошению, а обер-прокурор сенатский Александр Иванович Глебов пожалован генерал-прокурором. То есть слывающий честнейшим тогда человеком отставлен, а бездельником слывающий и от уголовного следствия спасенный Петром Шуваловым сделан на его место генерал-прокурором... И сделала я следующее заключение: ежели в первом часу царствования отставили честного человека, а не постыдились на его место возвести бездельника, чего ждать?»

Глебов был креатурой Шуваловых, а с недавних пор – Петра Федоровича. Вместо сторонника в лице генерал-прокурора Екатерина получила противника. Ей нанесли сильный удар. Чисто «дворовыми» методами Шуваловы действовали быстрее: вывели Петра к гвардейцам, провозгласили государем, устранили Сенат, «подкинув» на одну из высочайших должностей в государстве своего ставленника.

Однако им самим это отнюдь не пошло на пользу. Новый царь в первые же часы обидел бывшего фаворита, а через три дня после кончины Елизаветы забрал себе апартаменты начальника Тайной канцелярии Александра Шувалова. «Пришед в свои покои, – писала Екатерина, – услышала, что император приказал приготовить для себя покои от меня через сени, где жил Александр Иванович Шувалов, и что в его покое, возле моих, будет жить Елисавета Романовна Воронцова».

Это было не просто оскорблением жены, рядом с которой в прежних комнатах великого князя поселяли фаворитку. Это было наступлением на интересы клана Шуваловых, происшедшее на фоне широких пожалований Воронцовым. У Штелина, как всегда, все благопристойно. «Отличает родственников покойной императрицы при ее погребении, – писал профессор о Петре III. – Дарит ее двоюродной сестре, супруге канцлера графине Воронцовой, прекрасное имение на Волге (Кишора, прежнее поместье вдовствующей царицы, близ Твери, 4300 душ)». Кроме того, были заплачены долги канцлера и его супруги.

Рядом с этим перечислением фраза: «Обходится милостиво с прежним любимцем покойной императрицы», – звучит невыразительно. Милость пришлось покупать дорогой ценой: после кончины Елизаветы бывший фаворит передал Петру 106 тыс. рублей, которые прежняя государыня отдала ему якобы на хранение.

Один Петр Иванович Шувалов оставался в чести. Возможно, император считал, что только ему и обязан, а его кузены – слабые союзники. До прямого столкновения с грозным елизаветинским дельцом не дошло: старший Шувалов вскоре умер, оплаканный монархом. Но при его крутом нраве он вряд ли безропотно потерпел бы падение влияния семьи. Останься старший Шувалов жив – и картина шести месяцев нового царствования приобрела бы дополнительные жирные мазки...

«Сии страдальцы»

Назначенный вместо Шаховского Глебов действительно не отличался чистотой рук, и связанные с его именем финансовые скандалы были хорошо известны. В 1760 г., служа генерал-кригскомиссаром, то есть отвечая за снабжение армии, он предложил производить перевод денег для русских войск за границу через английских купцов. Такая операция была чрезвычайно выгодна британской торговой диаспоре в Петербурге и тем чиновникам, которые ее обеспечивали, так как часть суммы оседала на руках посредников. Дело остановил Шаховской как «вредное для казны». Между тем наследник имел в происходящем свой интерес, поскольку близко сошелся с английскими купцами и брал у них займы.

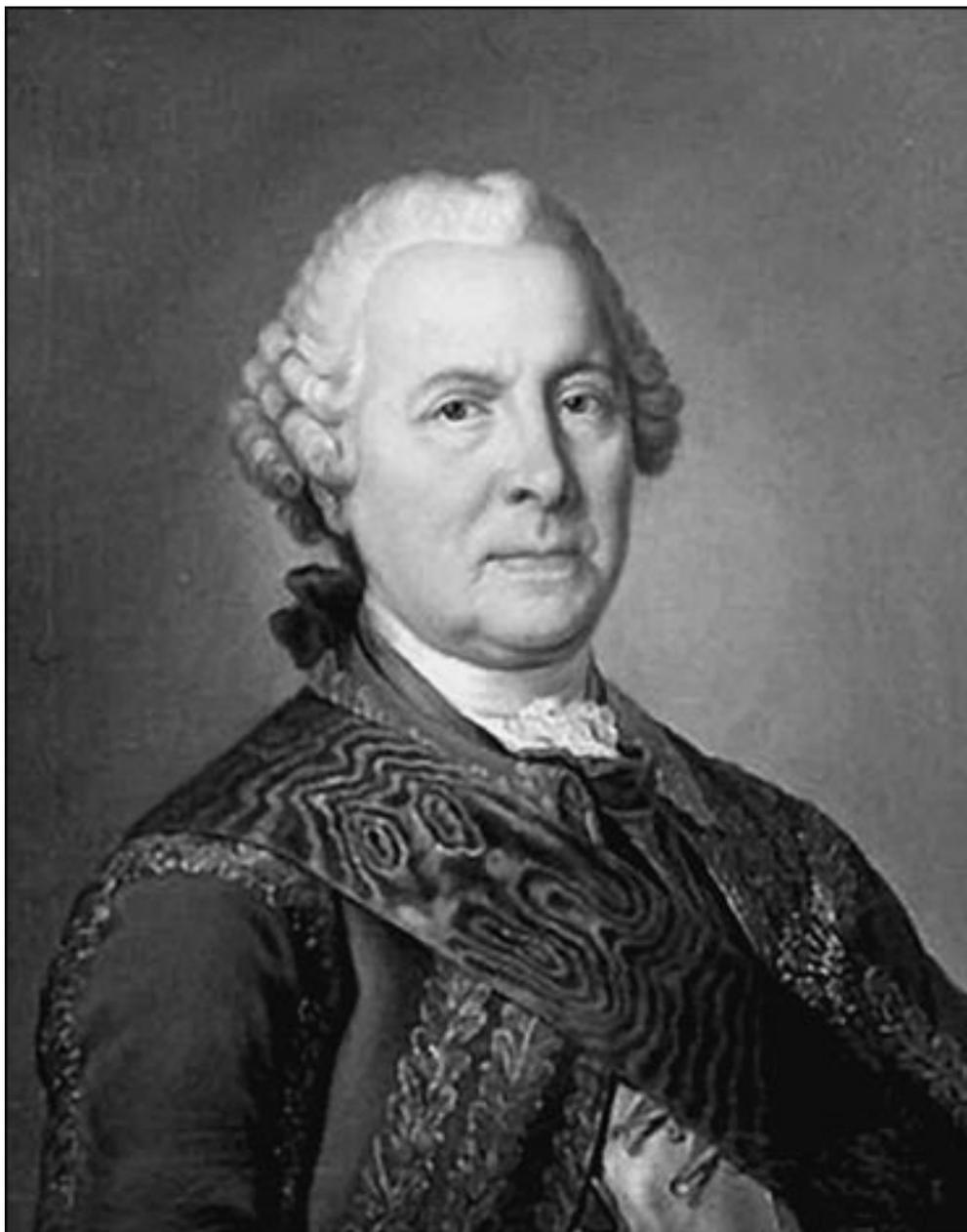
Кроме того, Глебов занимался винным откупом в Иркутской провинции, где из-за отдаленности позволил себе громадные злоупотребления: иркутские купцы были разорены поборами. Обвиненных в незаконном винокурении брали под стражу и допрашивали с пристрастием, пока несчастные не откупались. Так, некий Бегович, заплатив 30 тыс. рублей, умер под пыткой. Жители Иркутска подали жалобу, Елизавета Петровна назначила следственную комиссию, но Глебова прикрыл П.И. Шувалов.

Именно Глебов, вероятно не без санкции покровителя, заранее составил Манифест о кончине Елизаветы и вступлении на престол Петра III. Человек одаренный, сметливый, но безнравственный, он стал создателем многих важных бумаг нового царствования. Однако назначение генерал-прокурором – блюстителем законности – чиновника с подмоченной репутацией уже настраивало подданных на грядущее неправосудие. По русской пословице: поставили волка овец стеречь.

Такой поступок вкупе с характером нового императора не сулил добра. И тут Петр III удивил подданных, начав царствование с амнистии.

Освобождение бывших опальных происходило и при правительнице Анне Леопольдовне, когда после кончины суровой Анны Иоанновны из ссылки вернулись многие семьи, и при вступлении на престол добросердечной Елизаветы. Однако петровская амнистия поражала именно по контрасту с характером нового государя – от него ждали жестокостей, а он оказывал милость. И это выбивало почву из-под ног его критиков.

Даже недоброжелательные к Петру Федоровичу дипломаты хвалили великодушие молодого государя. «Надо отдать ему справедливость в том, что его поведение по отношению к своим подданным заслуживает похвал, – писал 11 января 1762 г. Бретейль. – Никто из придворных, близких к императрице, не пострадал и не был сослан в Сибирь. Мне неизвестны даже случаи ареста кого бы то ни было».

Б.-Х. Миних. Неизвестный художник

Еще более восторгался Кейт, которому Петр III оказывал явное предпочтение перед другими послами. «Его императорское величество являет до сего дня во всех отношениях и делах своего правления толико мудрости и достоинства, кои не оставляют желать ничего лучшего, – писал британец 12 января. – Милостей, им дарованных, удостоились по большей части вполне заслуживающие их особы. Никто никоим образом не обижен, а то малое число, кои потеряли должности, уволены с наименьшим для них утеснением». Конечно, донесения, отправлявшиеся официальным путем, дипломаты писали с учетом перлюстрации, но Кейт и в дальнейшем крайне доброжелательно отзывался о Петре. Он позволил себе малую толику критики в его адрес только после переворота в большом письме, посвященном событиям 28 июня. Пока же все, что делал новый государь, было хорошо.

Амнистия относилась к числу, бесспорно, добрых начинаний. Уже вечером после кончины Елизаветы ее наследник приказал освободить Лестока², вскоре ко двору возвратились Миних³ и герцог Бирон⁴. «Граф Лесток в свои семьдесят четыре года, из коих четырнадцать лет провел он в тюрьме и ссылке, обладает живостью молодого человека, – сообщал 12 февраля Кейт. – ...Герцог Курляндский и супруга его возвращены из ссылки. Он явился ко двору в голубой ленте ордена Св. Андрея, пожалованного ему императором, который удостоил особого своего внимания все его семейство. Вчера после полудня я был у... фельдмаршала Миниха, который только что приехал в отменном здравии и ничуть не повредившихся умственных способностях, хотя и провел он более двадцати лет в ссылке, а вернее в тюрьме... Оба сына герцога Курляндского сделаны генерал-майорами, а граф Миних назначен первым фельдмаршалом».

Надо признать, что на первых порах инициатива постоянно оставалась в руках у нового монарха, вернее, у тех, кто подсказывал ему удачные шаги. Однако не следует думать, будто политических амнистий было так уж много. Ведь елизаветинское царствование отнюдь не изобиловало опальными. Источники тасуют три имени – Лесток, Миних, Бирон. К ним следует прибавить семейство Лопухиных, также возвращенное из ссылки, но не приглашенное в Петербург и потому не попавшее на глаза иностранным наблюдателям. Остальные «птенцы» были выпущены из тюрем. Прощение части уголовных «сидельцев» считалось делом богоугодным и ознаменовывало начало каждого царствования.

Еще С.М. Соловьев указывал на сложность оценить число амнистированных, поскольку перед самой кончиной Елизавета даровала свободу 17 тыс. преступников. Они, без сомнения, смешались с новой волной отпущенных на волю и часто принимались иностранными авторами за представителей собственно петровской амнистии. Около 15 тыс. ссыльных находилось в Сибири за корчемство, но и их освободила еще Елизавета. К моменту восшествия Екатерины II на престол в тюрьмах оставалось около 8 тыс. колодников. Если учесть, что в 1740-х гг. прусские дипломаты сообщали Фридриху II о 40 тыс. преступников, которых императрица употребляла в работы, не желая прибегать к смертной казни, то сам собой напрашивается вывод, что число прощенных Петром III уголовников не могло быть особенно велико. Внимание следует сосредоточить именно на политических амнистиях.

Характерно, что среди возвращенных из ссылки не было канцлера Бестужева. Своих врагов Петр помнил хорошо. «Он подозревает его в тайном соумышлении с его супругой против него, – писал Штелин об ученике, – и ссылается в этом на покойную императрицу, которая предостерегала от него». Амнистия не коснулась также никого из окружения Бестужева. Ни Ададулов, ни Елагин⁵ из ссылки не приехали.

Подданные же заметили, что из всех опальных прощения не удостоился единственный русский. Будь Петр дальновиднее, он не допустил бы подобного промаха. Но государь даже не задумался об этой тонкости. Его иностранное окружение – тоже.

² Лесток Жан-Германн (1692–1767) – бывший лейб-медик императрицы Елизаветы Петровны, активный участник переворота, приведшего ее к власти в 1741 г. Противник канцлера А.П. Бестужева. Последнему удалось перехватить тайную переписку Лестока с удаленным из России французским посланником – маркизом Ж.-И.-Т. де ла Шетарди. Обвиненный в измене и шпионаже, Лесток был арестован, подвергнут пытке и сослан в 1748 г. в Углич. Подробнее о деле Лестока рассказано в книге «Молодая Екатерина».

³ Миних Буркхардт-Христофор (1683–1767) – генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии при императрице Анне Иоанновне. Командовал русскими войсками во время войны с Турцией 1735–1739 гг. Именовал себя «столпом империи», поддержал молодую правительницу Анну Леопольдовну и ее годовалого сына, императора Ивана Антоновича, способствовал аресту герцога Бирона. После переворота 1741 г., приведшего к власти Елизавету Петровну, сослан.

⁴ Бирон Эрнст-Иоганн (1690–1772) – герцог Курляндский, фаворит Анны Иоанновны. После ее смерти в 1740 г. попытался оттеснить от власти родителей маленького императора Ивана Антоновича и править от его имени. Был схвачен и вместе с семьей отправлен в ссылку.

⁵ Ададулов В.Е. и Елагин И.П. – сторонники канцлера А.П. Бестужева – были арестованы по его делу и сосланы. Великая княгиня Екатерина состояла с ними в переписке, оказывала поддержку и посылала деньги.

Штелин с умилением писал: «Император примиряет герцога Курляндского с фельдмаршалом Минихом: при первом их свидании при дворе они целуются, пожимают друг другу руки и должны обещать императору, что забудут... что было прежде между ними». Картина старых врагов, готовых обняться на глазах государя, не оставила равнодушным и Кейта: «Сколь трогательно было видеть двух знаменитых мужей, переживших тяжкие и долгие несчастья и явившихся вновь в преклонных уже летах к тому самому двору, где когда-то играли они столь выдающиеся роли, да еще встретившихся друг с другом через долгие годы с таковым любезным обхождением и без какой-либо обоюдной враждебности, которая послужила когда-то причиной всех их несчастий».

Однако утрата власти, двадцать лет ссылки и унижений – возможно ли такое забыть? Рюльер нарисовал психологически точную картину «примирения» между давними врагами: «С того момента как Миних связал Бирона, оспаривая у него верховную власть, в первый раз увиделись они в веселой и шумной толпе, окружавшей Петра III, и государь, созвав их, убеждал выпить вместе». В тот момент, когда старики подняли бокалы, императора отозвали, он осушил свой стакан и отошел. «Долговременные враги остались один против другого со стаканами в руках, не говоря ни слова, устремив глаза в ту сторону, куда скрылся император, и думая, что он о них забыл, пристально смотрели друг на друга, измеряли себя глазами и, отдав обратно полные стаканы, обратились друг к другу спиной».

Великодушно было простить опальных. Но возвращать их в Петербург – вовсе не обязательно. Ведь они привезли с собой старую вражду и были способны наводнить двор дополнительными интригами. Каждый из «столпов» минувших царствований льстил себя надеждой сыграть роль при новом государе, зацепиться, оказаться нужным. Бирону повезло меньше, чем Миниху. Судьба его герцогства была решена: Петр хотел отнять Курляндию у принца Саксонского дома и передать своему дяде Георгу. При первой встрече он сказал Бирону: «Утешьтесь и будьте уверены, что вы будете мною довольны. Если вы и не останетесь герцогом Курляндским, то все-таки будете хорошо пристроены».

Штелин без задней мысли передал простоту разговора императора с Бироном. Она напоминает ситуацию с Иваном Шуваловым. То была простота хуже воровства. После переворота Екатерина вернула герцога на курляндский престол, и он еще несколько лет оставался послушным орудием России в Митаве.

Судьба Миниха сложилась иначе – 79-летний фельдмаршал поставил своей целью сблизиться с Петром Федоровичем и остаться в его свите. Ему это удалось. «Видит батальон гвардии, идущий мимо его окон на часы, – записал Штелин, – и марширующий по-новому образцу, и, полный удивления, говорит: “Ей-богу, это для меня новость! Я никогда этого не мог достигнуть!” При первом посещении делает императору комплимент этим признанием. Император берет его с собой в парад, где он дивится еще более». Нехитрый путь к августейшему сердцу. Победитель турок уверяет, что ему за всю жизнь не удалось добиться того, чего за месяц достиг молодой фрунтман. А старый профессор записывает слова льстеца как искреннюю похвалу. Кто кого дурачит?

Во время переворота Миних оставался при Петре III, и, хотя потом принес присягу Екатерине, она уже не прибегала к услугам престарелого фельдмаршала. Для него колесо Фортуны перестало вращаться.

Кроме желания снова пробиться наверх каждый из опальных хотел получить назад конфискованные богатства, что не всегда удавалось. Петр «возвратил из Сибири толпу тех несчастных, которыми в продолжение стольких лет старались населить ее пустыни, – писал Рюльер, – и его двор представлял редкое зрелище... Потеряв все во время несчастья, сии страдалцы требовали возвращения своих имуществ; им показывали огромные магазины (склады. – *О.Е.*), где, по обыкновению сей земли, хранились отобранные у них вещи – печальные остатки разрушенного благосостояния... В пыли искали они драгоценных своих приборов, бриллианто-

вых знаков отличия, даров, какими сами цари платили некогда им за верность, и часто после бесполезных исканий они узнавали их у любимцев последнего царствования».

Имелись в виду не только приближенные Елизаветы, но и разом появившиеся многочисленные фавориты самого Петра III. Взаимные претензии семейств друг к другу, притязания на драгоценности, столовые приборы, мебель, кареты, когда-то принадлежавшие одним и оказавшиеся в руках у новых счастливых, порождали распри и дух постоянного беспокойства. А ведь были еще и земли... С этими дрызгами стороны обращались к императору. Он же не знал, как решать подобные дела. Дополнительная нервозность придворных, упреки и имущественные препирательства стали побочным эффектом такой, казалось бы, беспроегрешной меры, как амнистия. Петр об этом не подумал. А следовало бы.

«Разве вы были крепостные?»

Через три недели по кончине Елизаветы Петровны молодая императрица, как обычно, направлялась к телу слушать панихиду. В передней ей встретился князь Михаил Дашков, плакавший от радости. На расспросы он отвечал: «Государь достоин, дабы ему воздвигли штатую золотую; он всему дворянству дал вольность». Екатерина удивилась: «Разве вы были крепостные и вас продавали доньне?» В чем же эта вольность, недоумевала она. «И вышло, что в том, чтобы служить или не служить по воле всякого. Сие и прежде было, ибо шли в отставку».

Наша героиня лукавила. Она прекрасно поняла, что произошло. То был громовой удар. Одним указом Петр купил дворянские сердца. Муж ее подруги, еще недавно предлагавший возвести великую княгиню на престол, теперь рыдал от умиления и благословлял императора. Если самые верные колебались, что же остальные? Сторонникам Екатерины подрезали крылья. «У всех дворян велика была радость о данном дозволении служить или не служить и на тот час совершенно позабыли, что предки их службою приобрели почести и имение, которым пользуются», – с упреком заключала императрица.

Манифест о вольности дворянства 18 февраля 1762 г. – ключевой акт царствования Петра III. Он открывал новую эпоху в жизни благородного сословия, пускал по иному руслу российское законодательство, которое отныне и на протяжении ста лет решало задачу «раскрепощения» различных социальных групп. И, наконец, ломал старую систему взаимных обязательств, в которой пребывали все слои русского общества по отношению друг к другу.

Эта «стройная неволя» распределяла тяжесть служения на всех. Долгие годы она во многом обеспечивала само существование страны в трудных хозяйственных условиях и в окружении хищных соседей. При том напряжении сил, которое характерно для Московского царства, дворянин обязан был служить столько, тогда и там, сколько, когда и где прикажет государь. Это был ратный труд, исключительно тяжелый и опасный, если принять во внимание постоянные войны. В награду дворянин получал земельный оклад – поместья с работавшими в них людьми. Крестьяне, в свою очередь, служили барину, коль скоро тот отдавал жизнь царю.

При этом важно помнить, что государь осознавался как верховный и единственный подлинный хозяин земли, все остальные на тех или иных условиях удерживали ее за собой. Поместья оставались у дворянского рода до тех пор, пока на царской службе на смену деду приходил отец, а отцу – сын. Такая система при всех издержках – злоупотреблениях бар и крестьянских бунтах – воспринималась жителями страны как справедливая.

Разрыв одного из звеньев цепи грозил привести к нарушению всей совокупности обязательств. Раз дворянин ничего не должен царю, то крестьянин – дворянину. Но в таком случае чья земля? Каждый отвечал на вопрос по-своему. Долговременное удерживание владений в одних руках приводило к тому, что помещики начинали сознавать землю своей собственностью. При этом сами они находились в вечной службе: не имели права распоряжаться собой, ехать, куда хотят, оставаться дома, выбирать место и срок службы. В известном смысле дворянин был закрепощен за государем так же, как крестьянин за дворянином.

В 1714 г. «Указом о единонаследии» Петр I уравнивал в правах боярскую вотчину, передававшуюся аристократами по наследству, и дворянское поместье, получаемое за службу. Тем самым был сделан шаг к превращению русского служилого слоя в благородное сословие по европейскому образцу, располагавшее землей на правах собственности. Однако служба оставалась по-прежнему пожизненной. Если офицер становился стар, увечен, болен, то его могли перевести с военной на гражданскую, отправить в провинцию, но продолжали использовать до последнего вздоха.

В таких условиях подчас некому было приглядывать за хозяйством, и постепенно дворяне выторговывали себе послабления. При Анне Иоанновне в 1736 г. срок службы сократился

до 25 лет. Обычай записывать в полк грудных младенцев, так часто высмеиваемый в отечественной литературе, имел целью не только выпустить недоросля из родительского гнезда уже офицером, но и дать ему возможность вернуться домой не глубоким стариком, а мужчиной средних лет, способным обзавестись семьей и заняться именем.

В царствование Елизаветы дворянство уже в голос роптало на свое подневольное положение и желало иметь те же права, которые отличали благородное сословие европейских стран. Проекты зрели в недрах семейств Воронцовых и Шуваловых, но медлительная императрица не решилась их одобрить. Вместе с тем Елизавета и не «зажимала» дворянство так, как могла бы, а потому положение казалось терпимым – де-факто дворяне пользовались правами, каких не имели де-юре.

С вступлением на престол нового монарха ситуация изменилась. Приближенные боялись его крутого нрава, и настало время зафиксировать в законе права, которые он мог нарушить. Это и было искомое ограничение власти Петра III некими «формами», только не в сфере управления, а в области социальных привилегий. И пришло оно не через Никиту Панина и Сенат, а посредством «дворовых» ухищрений было навязано молодому монарху семейством фаворитки.

Два совершенно разных источника называют имя отца Елизаветы Воронцовой – Романа Илларионовича – как главного подателя мысли. «Воронцов и генерал-прокурор (Глебов. – *О.Е.*) думали великое дело делать, доложив государю, дабы дать волю дворянству», – писала Екатерина.

Князь М.М. Щербатов в памфлете «О повреждении нравов в России» нарисовал картину, способную обесценить и не такой важный документ, как Манифест о вольности дворянства. Он тоже поминал Романа Воронцова, хотя называл другого исполнителя – Дмитрия Васильевича Волкова. «Примечательна для России сия ночь, – писал памфлетист. – ...Петр Третий, дабы скрыть от графини Елисаветы Романовны, что он всю ночь будет веселиться с новопривозной [дамой], сказал при ней Волкову, что он имеет с ним всю ночь препроводить в исполнении известного им важного дела в рассуждении благоустройства государства. Ночь пришла, государь пошел веселиться с княгиней Куракиною, сказав Волкову, чтобы он к завтраю какое знатное узаконение написал, и был заперт в пустую комнату с дацкою собакою. Волков, не зная ни причины, ни намерения государского, не знал, о чем зачать писать, а писать надобно. Но как он был человек догадливый, то вспомнил нередкие вытвержения государю от графа Романа Илларионовича Воронцова о вольности дворянства, сядши, написал манифест о сем. Поутру его из заключения выпустили, и манифест был государем опробован и обнародован».

После такой карикатуры отпадает всякое желание воспринимать законодательный акт серьезно. Однако прежде всего напомним, что Щербатов писал памфлет, а значит, намеренно приводил слышанные им анекдоты, в резких чертах рисующие царствование Петра. Во-вторых, никто не заставлял императора на другой день после куртуазного приключения подписывать столь важный документ, если его содержание не было предварительно согласовано. И, наконец, Петр заявил о желании даровать русскому дворянству новые права еще за месяц до обнародования Манифеста – 17 января 1762 г.

«В прошлый вторник, – писал Кейт, – явился он с великою пышностью в Сенат и объявил, что отныне дворянство российское свободно и во всем уравнивается с дворянством всей Европы, в том числе и касательно военной службы, в каковую может поступать по собственному своему желанию без какого-либо принуждения... Нетрудно представить, с каким удивлением и восторгом воспринята была неожиданная сия милость и сколь удовольствованы они, сделавшись вдруг из рабов свободными, то есть воистину благородными людьми».

Именно в Сенате от лица всех собравшихся Глебов предложил отлить в честь императора золотую статую, но тот благоразумно отказался.

Рюльер отозвался о произошедшем почти злобно. Он не считал русское дворянство достойным равняться со «свободными народами», а волю государя называл единственным законом страны: «Петр III начал свое царствование манифестом, в котором полную деспотическую власть дарил российское дворянство правами свободных народов; и как будто в самом деле права народные зависели от подобных пожертвований, сей манифест произвел восторги столь беспредельной радости, что легковверная нация предположила вылить в честь его золотую статую. Но сия свобода... была не что иное, как минутная мечта. Воля самодержца, ничем не ограниченная, не переставала быть единственным законом, и народ, неосновательно мечтавший о каком-то благе... огорчился, видя себя обманутым».

Прислушаемся к мнению дипломата. Пока Петр расширял привилегии дворян, его обожали. Но, когда позднее он начал совершать шаги, неприемлемые для русского общества, не нашлось институтов, способных направить деятельность императора в нужное русло. Государя нечем было обуздать, кроме переворота.

Тем не менее Манифест заложил основу того, что позднее можно было бы назвать гражданскими правами. Пока они касались одного сословия и впечатляли только на фоне прежней пустоты. В Манифесте подчеркивалось, что в прежние, варварские, времена дворян приходилось принуждать к исполнению обязанностей силой. Теперь же успехи просвещения сделали благородное сословие столь сознательным, что оно само будет добровольно содействовать государству. В мирное время офицеры могли выходить в отставку, испросив разрешение императора. Не достигшим офицерского чина полагалось отслужить 12 лет, после чего они также получали право оставлять службу. Вводился свободный выезд за границу при условии возвращения по первому требованию. В противном случае эмигрантам угрожали конфискацией имений. Разрешалось домашнее образование. Перечисленные права провозглашались вечными, соблюдение их вменялось в обязанности преемникам Петра III.

Исследователи единодушны, признавая, что Манифест был далек от совершенства, написан торопливо, на скорую руку и с юридической точки зрения оставлял желать много лучшего. Одни называют автором проекта Глебова, другие – Волкова. Но куда важнее для нашей темы, что у Манифеста имелся протограф, не принадлежавший царствованию Петра III. Он возник в недрах елизаветинского двора и не был реализован, как многие другие начинания.

А.Б. Каменский справедливо обратил внимание на то, что еще с 1754 г. в России работала комиссия по составлению нового Уложения. Ее создали по инициативе Петра Шувалова, идеи которого легли в основу проекта Уложения. В последнем уже имелись те нормы, которые позднее были зафиксированы Манифестом 18 февраля 1762 г. Как один из ближайших сотрудников Шувалова, новый генерал-прокурор Глебов не мог пройти мимо такого сокровища и проталкивал идеи бывшего покровителя вкупе со своими собственными.

Несомненно и влияние клана Воронцовых, человеком которых был Волков. Однако в Манифесте оказались не включены особенно близкие этому семейству требования – монопольное право дворянства владеть землей с крепостными и свобода от телесных наказаний. Поэтому следует согласиться с И. де Мадариагой, считавшей, что текст нового закона стал компромиссным.

Молодой государь спешил дать ход всему, с чем так долго медлила его тетка. Он противопоставлял свою решительность ее колебаниям и бездействию. Манифест стал первым многообещающим шагом на этом пути. Не оценить такой дар дворянство не могло. Только Екатерина и Щербатов, обычно ни в чем не согласные друг с другом, не считали, что ломка старой системы безусловно хороша. Князь исходил из того, что все с течением времени «повреждается», древняя простота нравов исчезает, знатность заменяется выслугой, а нововведения только разлагают организм державы.

Екатерина видела картину иначе. Манифест, подписанный Петром, не учитывал государственного интереса. Он был чисто дворянским – помещики приобретали права и отказыва-

лись от обязанностей. Со стороны власти – голая уступка без малейшей выгоды. Елизавета не зря медлила с принятием подобного проекта. Она взвешивала, прикидывала, вела мысленный торг. Петр подмахнул сразу. Наименьшее, что из этого могло получиться, – новые волнения крестьян.

Они не заставили себя долго ждать. Среди крепостных распространились слухи, будто свобода дворян от службы царю означает и свободу земледельцев от обязательств перед помещиками. В начале лета правительственные войска подавили бунты в Тверском и Клинском уездах. 19 июня император обратился к подданным с новым Манифестом: «С великим гневом и негодованием уведомили мы, что некоторых помещиков крестьяне, будучи прельщены и ослеплены рассеянными от непотребных людей ложными слухами, отложились от должного помещикам своим повиновения... Мы твердо уверены, что такие ложные слухи сами собой истребятся». Помещикам было обещано «ненарушимо сохранять» их «имения и владения», а крестьянам предписывалось «безмолвное повиновение». Тем не менее при восшествии Екатерины на престол «заводские и монастырские крестьяне... были в явном непослушании властей, и к ним начали присоединяться местами и помещичьи». Действия последних во многом были спровоцированы «ложными слухами».

«Русские старшего поколения, – доносил Бретейль, – не одобряют того, что так радует молодежь. Они считают, что дворяне будут злоупотреблять свободой больше, чем ранее они злоупотребляли своей властью над крепостными, и что малейшее волнение в империи превратит ее в Польшу. Я хотел бы, чтобы они оказались правы и чтобы это случилось не в столь отдаленной перспективе». Одним из тех, кто высказывал резкое недовольство новым законом, был отец А.В. Суворова – генерал-поручик Василий Иванович Суворов, принявший участие в перевороте на стороне Екатерины и наделенный ее большим личным доверием.

Даже самых образованных и по-европейски мыслящих вельмож прежнего царствования пугала перспектива широкого оттока дворян со службы в отставку. Такое уже раз случилось. После указа Анны Иоанновны 1736 г. выслужившие 25 лет офицеры поспешили в имения и тем самым вынудили правительство уже в 1740 г. под предлогом войны приостановить увольнения. В проекте «Фундаментальных законов», который Иван Шувалов подал Елизавете, речь шла о 26 годах службы, считая от начала действительной, – то есть не ранее реального поступления недоросля в полк.

А.Т. Болотов. Автопортрет в рабочем кабинете

Предоставление дворянам абсолютного права служить или не служить грозило массовым уходом офицеров и чиновников и как следствие коллапсом государственного аппарата. В нем просто некому стало бы работать. Грядущее отчасти подтвердило печальные прогнозы – на 1762–1763 гг. пал пик увольнений из армии. Екатерине пришлось очень постараться, чтобы выправить положение и сделать службу престижной. А потому она кипела негодованием еще при издании Манифеста: следовало действовать крайне осторожно, постепенно, шаг за шагом освобождая места и принимая на службу новых кандидатов. Но постепенно Петр не умел...

«Ненавистное выражение»

Провозгласить важнейший акт своего царствования он отправился в парадной карете с короной и гербом. На взгляд современного человека, именно так и следовало поступить, совершая столь важный шаг. Но молодой государь вновь не учел национальной ментальности – в тот момент еще очень средневековой и фиксировавшей внимание людей на многозначительных «мелочах». «Сей кортеж в народе произвел негодование, – записала Екатерина, – говорили: как ему ехать под короною? Он не коронован и не помазан. Ранновременно вздумал употребить корону». То был дурной знак.

Кажется, современники Петра III думали и чувствовали в двух разных пластах. Речь не о том, что образованный класс перенимал многие элементы европейского мышления, а простонародье было погружено в суеверия. Архаичные представления перемешивались с просвещенческими порой в головах у одних и тех же людей. Сторонний наблюдатель, глядя на карету с короной, взятую императором несправедливо – до помазания, в душе отвергал все, что может проистечь от *такого* государя. Его милосердие таило в себе дьявольский соблазн.

Тем не менее всего через три дня после первого Петр нанес супруге второй, сокрушительный, удар. 21 февраля 1762 г. была упразднена Тайная канцелярия – ненавистный сыск, который даже не в насмешку именовали инквизицией. На этот раз в основу указа не было положено прежних «наработок» елизаветинского правительства. Однако и назвать его совсем новым, внезапно зародившимся в голове молодого императора нельзя. Тайная канцелярия вызывала общий страх, раздражение и желание поскорее избавиться от нее. Уничтожая подобный орган, государь мог вызвать только новый всплеск любви.

«Император... оказывает величайшие услуги всему своему народу, – доносил Кейт. – Последним указом он упразднил Тайную канцелярию, иначе говоря, государственную инквизицию. Сие есть вожделеннейшее благо, какового могла бы только желать сия нация; позорное сие судилище во всех отношениях было столь же зловредительно, как и инквизиция испанская, отчасти и хуже оной».

Был ли этот шаг со стороны Петра продиктован стремлением завоевать сердца подданных? Вряд ли. Ведь он каждый день совершал множество поступков, способных по капле истощить самую горячую привязанность. Скорее его собственные чувства к Тайной канцелярии были солидарны с чувствами остального общества. В бытность великим князем Петр долгие годы оставался под надзором, о нем наущничали и доносили государыне, в недрах канцелярии более десяти лет велось дело о попытке вовлечь наследника в заговор⁶. Словом, новый император пожил в страхе и на себе испытал железную хватку названного учреждения.

Штелин свидетельствовал, что его ученик говорил о Тайной канцелярии с неприязнью еще будучи наследником. На этот раз Екатерина подтверждала слова профессора: инквизиция вызывала у великокняжеской четы отвращение, и потому им трудно было сблизиться с Александром Шуваловым после его назначения к малому двору.

Решение уничтожить тайный сыск, ведавший делами об «оскорблении величества», измене и бунте, было во многом чисто эмоциональным. Искренним. И потому особенно дорогим. Как и предшествующий Манифест, новый начинался ссылкой на варварские нравы, побудившие Петра Великого создать грозный орган. Но теперь, констатировалось в законе, надобность в нем отпала. «Как Тайная канцелярия всегда оставалась в своей силе, то злым, подлым и бездельным людям подавался способ» безнаказанно клеветать на ближнего, «обносить своих

⁶ Речь идет о деле поручика Бутырского пехотного полка Иоасафа Батурина, который летом 1749 г. предлагал наследнику возвести его на престол, убив императрицу Елизавету и А.Г. Разумовского. Подробнее эта история описана в книге «Молодая Екатерина».

начальников и неприятелей», а действительно виновным новыми измышлениями оттягивать «заслуженные ими казни и наказания». «Тайная розыскных дел канцелярия уничтожается отныне навсегда, – говорилось в Манифесте, – а дела оной имеют быть взяты в Сенат, но за печатью к вечному забвению в архив положатся».

Трудно не оценить значение подобного указа. Не столько политическое, сколько нравственное. Он менял климат в обществе, открыто порицал доноительство, называл вещи своими именами. И хотя для усвоения урока потребовались годы стабильного, «кроткого», как тогда говорили, царствования, все же шаг был сделан. «Ненавистное выражение, а именно “слово и дело”, не долженствует отныне значить ничего, и мы запрещаем: не употреблять оно никому; о сем, кто отныне оно употребит в пьянстве или в драке, или, избегая побоев и наказания, таковых тотчас наказывать так, как от полиции наказываются озорники и бесчинники».

Тем не менее донос по важным государственным преступлениям не уничтожился вовсе. Доноситель должен был обратиться «в ближайшее судебное место или к ближайшему же воинскому командиру». Сведения передавались письменно, за исключением тех случаев, когда доноситель был неграмотен. Если его рассказ оказывался ложью, доносителя два дня держали под арестом на хлебе и воде, затем отпускали. Подобной мягкости прежняя система не знала. Подчас в Тайной канцелярии содержались и истец, и оговоренный, и свидетели. Раз попав в тенета запутанного следствия, никто не мог поручиться, что выйдет потом на волю.

Однако политический сыск не упразднился полностью. Персонал канцелярии переводился в особый департамент Сената с отделением в Москве. Вместо самостоятельной Тайной канцелярии возникла подчиненная Сенату Тайная экспедиция. Ее со-здание провозглашалось, но в реальности она была сформирована уже после смерти Петра III. И вот здесь мы натываемся на очень важный факт, мимо которого пройти нельзя. При действующей Тайной канцелярии, каким бы отталкивающим и малоэффективным учреждением она ни была (большинство доносов, по мнению специалистов, совершалось в пьяном виде и имело целью сведения личных счетов), Елизавета Петровна царствовала спокойно, а немногие попытки свергнуть ее постигла неудача.

Петр III, упразднив систему, не удержался на троне более полугода. Крайне наивно полагать, будто монарх мог сохранить корону только при помощи репрессивного аппарата и доноительства. Но полицейский сектор – важная часть государственной машины. В том числе и в виде тайной полиции, функции которой не совпадают с функциями полиции гражданской. Передавая дела ненавистной канцелярии в Сенат, Петр как будто понимал это и не прощался с тайным сыском. Но любая перестройка в жизни учреждения на время парализует его деятельность. Благодаря этому сложилась крайне удобная для заговорщиков ситуация.

Мятеж против императора зрел почти открыто, на глазах целого города и при сочувствии населения. Однако были и доносы, и подозрения близких к Петру придворных. Но гражданской полиции, присматривавшей за порядком, функции тайной не были переданы даже частично. Вместо этого к наиболее рьяным сторонникам Екатерины вроде Панина, Дашковой и Орлова были приставлены наблюдатели, которые ничего не смогли сделать в роковой момент. Заговорщиков, используя удачное выражение Александра I, было «некем взять».

Это стало важным уроком для Екатерины, и она вскоре по восшествии на престол завершила формирование Тайной экспедиции.

Однако сразу после провозглашения двух важнейших Манифестов в обществе всколыхнулась волна благодарности к молодому государю, и Петру просто некого было опасаться. Он и позднее, когда тучи сгустились над головой, уверял обеспокоенного Фридриха II, что любим подданными. «Если бы русские хотели мне зла, они бы давно могли его сделать, видя, что я не берегусь, предаваясь всегда Божьей воле, хожу по улицам пешком... Когда умеешь обращаться с ними, можно на них положиться». Страшные слова.

Глава 2. Камень веры

В первые месяцы царствования подданные, как обычно, тешили себя надеждами на лучшее. Казалось, молодой монарх оправдывает их. «Ныне все дела исполняются быстрее, нежели прежде, – доносил Кейт 26 января. – Император сам во все вникает и в большинстве случаев делает необходимые распоряжения... Также интересуется он и делами иностранными, где ничего не делается без его ведома».

Штелин не уставал умиляться на ученика: «Каждое утро он вставал в семь часов и во время одевания отдавал генерал- и флигель-адъютантам свои повеления на целый день. В 8 часов сидел в своем кабинете, и тогда к нему являлись с докладами сперва генерал-прокурор Сената, и так один за другим президенты Адмиралтейской и Военной коллегий: он разрешал и подписывал их доклады до 11 часов. Тогда отправлялся он на дворцовую площадь на смотр парада при смене гвардии, а оттуда в час к обеду.

Почти каждый день по утрам приходила к нему в кабинет императрица, но к обеду – никогда. При обеденном столе его участвовали... лица, с которыми он хотел подробно говорить... Однажды в первые дни своего царствования сказал он за столом: «Штелин! Я очень хорошо знаю, что и в вашу Академию наук закралось много зло-употреблений и беспорядков. Ты видишь, что я занят теперь более важными делами, но, как только с ними управлюсь, уничтожу все беспорядки».

Трогательная мечта молодого государя искоренить зло, накопившееся в предыдущее царствование. Однако описание Штелина выглядит настораживающе гладким. Что в нем опущено? Обратим внимание: Екатерина никогда не оставалась к обеду. По ее словам, муж вставал из-за стола «без ног» и «без языка». Это суждение подтверждается многими свидетелями. Например, А.Т. Болотовым, в тот момент полицейским чиновником, часто посещавшим дворец: «Не успеют, бывало, сесть за стол, как загремят рюмки и бокалы, и столь прилежно, что, ставши из-за стола, сделаются иногда все как маленькие ребяточки и начнут шуметь, кричать, хохотать, говорить нескладицы и несообразности сущие... У иного наконец и сил не было выйтить и сесть в линию, а гренадеры выносили туда на руках своих». Это высказывание незаинтересованного лица мало чем отличается от слов пристрастного Бретейля, доносившего 18 января в Париж: «Император ведет самый постыдный образ жизни. Целые вечера просиживает он за трубкой и кружкой пива, иногда до пяти или шести часов утра, и почти всегда мертвецки пьян».

Таким образом, во второй половине дня Петр работать уже не мог. Почти каждый вечер он посещал театр, потом уединялся с женщинами. А утром трудился с 8-ми до 11-ти – три часа. Затем два часа тратил на параде. Подобную работу сложно назвать «неутомимой».

А.С. Мыльников предположил, что после позднего ужина, на который созывалось иногда до сотни персон, император вместе со своими советниками вновь до глубокой ночи занимался государственными делами. Однако слишком много свидетельств говорят о том, что с обеда царь начинал налегать на горячительные напитки, ужин был кульминацией, и после него Петр уже не вязал лыка. Есть курьезное мнение, будто многие несообразности в политике молодого государя объяснялись именно его пьянством – он подчас не сознавал, что делал. Не абсолютизируя высказывания Н.Н. Фирсова о «поступках пьяного человека», мы все-таки с большой долей сомнения относимся к утверждению о ночном труде Петра III.

Несложно понять, зачем оно понадобилось. Без дополнительной «порции» времени, потраченного на государственные дела, невозможно объяснить интенсивный график работы правительства. Судя по числу законодательных актов, оно работало, как в лихорадке. Январь – 39, февраль – 23, март – 35, апрель – 32, май – 33, июнь – 25. А ведь были еще и устные распоряжения, и вал сугубо делопроизводственных бумаг, связанных с пожалованиями и решением

имущественных вопросов. Казалось бы, такая интенсивность говорит сама за себя. Ведь Петр должен был хотя бы прочитывать то, что подписывал. Неужели на это шли только утренние часы? А ведь именно по утрам, до вахтпарада, император посещал правительственные учреждения и казенные мануфактуры. Воистину неутомимый внук великого деда!

Ларчик открывался просто. Учрежденный в мае Совет при императоре получил право публиковать указы от имени Петра III. Позволим себе предположить, что основной удар законодательной деятельности приняли на себя сановники, вошедшие в этот орган и еще прежде подготавливавшие для государя проекты реформ.

Сложилась любопытная ситуация: пьяным императора наблюдали только приближенные, а февральские благодеяния были налицо. «Так как все видели, как был неутомим этот молодой монарх в самых важных делах, – заключал Штелин, – как быстро и заботливо он действовал с утра и почти целый день в первые месяцы своего правления... то возлагали великую надежду на его царствование и все вообще полюбили его». В другом месте сказано: «Везде его принимают с восторгом».

На таком фоне у Екатерины почти не оставалось шансов. Недаром в первое время она была крайне подавлена. На второй день царствования, когда ей сказали, что отправлены курьеры за ссыльными и в Берлин, она ответила только: «Дела поспешно идут».

«Православным владычествовать восхотел»

Дела двигались действительно быстро, и вскоре картина резко изменилась. Император совершил искомый промах. Между первым и вторым знаменательными Манифестами помещен Сенатский указ 19 февраля о секуляризации церковных земель. Этот акт весьма осмотрительно исходил не от государя, а от высшего правительственного органа и как бы завершал начинание Елизаветы 1757 г.

Е.Р. Воронцова. Художник А.П. Антропов

Непосредственным разработчиком указа стал Глебов, которому не откажешь в политической осторожности. Он сумел не подставить императора под удар критики, а, напротив, прикрыть авторитетом благочестивой тетушки. Причем поместить закон в обрамлении двух важнейших актов, которыми Петр даровал подданным новые свободы, а не отнимал имущество.

На волне общей благодарности указ не вызвал особых толков, ибо дело было далеко не новое и, как все понимали, рано или поздно должно решиться.

Церковь обладала большими земельными богатствами, на которые время от времени пытались посягнуть и Петр I, и Анна Иоанновна, и даже богобоязненная Елизавета. Благо поводы имелись в изобилии. С середины XVIII в. монастырские крестьяне находились в беспрестанных волнениях и успешно действовали даже против правительственных войск. Так, в 1740-х гг. отец знаменитых братьев генерал-майор Г.И. Орлов был послан привести к покорности взбунтовавшихся крестьян Троицкого монастыря под Москвой. Поселяне ретировали его полк, а самого захватили в плен и даже, по уверению Штелина, связанного посадили в хлев, над чем позднее потешался Петр III. История не подтверждается другими источниками, однако она красноречиво свидетельствует о ситуации, сложившейся вокруг монастырских владений.

На снаряжение военных экспедиций против церковных крестьян тратились немалые средства. К концу царствования Елизаветы монастыри не могли самостоятельно удерживать за собой земли, и правительство готово было этим воспользоваться. Истощенная казна требовала пополнения, особенно в годы Семилетней войны, когда содержание армии за границей влетало в копеечку.

30 сентября 1757 г. Елизавета Петровна на заседании Конференции распорядилась: назначить в церковные имения офицеров-управителей; приравнять повинности монастырских крестьян к повинностям крестьян помещичьих (первые были выше); ввести штатное содержание монастырей – установить для каждой обители определенное число монахов и отпускаемых на них средств; взыскивать с духовных вотчин деньги на содержание отставных офицеров и солдат и учредить на эти деньги инвалидные дома.

По сути, это была программа секуляризации. В позднейших документах и Петра III, и Екатерины II содержались сходные требования. Но Елизавета не перевела монастырские и архиерейские земли в казну, а только изъяла их из управления Церкви. Указом 19 февраля 1762 г. дело было доведено до логического конца. Создавалось специальное учреждение – Коллегия экономии – для управления бывшими церковными имениями. В сами имения наконец отправились государственные управляющие. Крестьяне (более 2 млн душ) освобождались от барщины и обязаны были платить казенный оброк. В их пользовании оказалась земельная запашка, на которой они прежде работали в пользу монастырей, что существенно увеличило размер наделов. Само по себе это улучшало положение земледельцев, а разбогатевшие могли свободнее записываться в купцы и перебираться в города.

Штелин подчеркивал прямую связь между замыслами Петра I и секуляризацией, к которой приступил его ученик: «Император... трудится над проектом Петра Великого об отображении монастырских поместий и о назначении особенно Экономической коллегии для управления ими. Генерал-прокурор Александр Иванович Глебов сочиняет об этом Манифест... Он (Петр III. – *О.Е.*) берет этот Манифест к себе в кабинет, чтобы еще рассмотреть его и дополнить замечаниями».

Если бы император ограничился документом Глебова, то при известном ропоте духовенства он все-таки не вызвал бы религиозной ненависти населения. Но Петр не мог не перегнуть палку. Секуляризация земель превратилась в изъятие церковных ценностей. Армейские офицеры врывались в монашеские кельи и дома священников и забирали оттуда золотые сосуды, кресты с драгоценными камнями, оклады богослужебных книг... 15 апреля последовал указ, запрещающий подобную практику. Но она уже успела разозлить верующих.

Теперь каждый шаг государя в духовной сфере воспринимался как заведомое зло. Если 9 марта Кейт сообщал вполне нейтральные сведения: «Император присоединил к коронным землям монастырские владения, а взамен назначил для архиепископов и игуменов определенное жалованье», то к началу мая британскому послу пришлось признать, что Петр возбудил «превеликое неудовольствие по всей империи». А 7 июня он уточнял: «Жалобы по поводу объеди-

нения коронных и монастырских земель все усиливаются, особенно после того, как император повелел брать в военную службу сыновей священников. Все духовенство, и белое, и монахи, единодушно в своем недовольстве».

Среди священнослужителей не было ни одного слоя, который новый государь не обидел бы чем-нибудь. У крупных иерархов забрали земли, сельские батюшки испугались солдатчины для детей, столичным попам запретили устраивать домовые церкви в богатых усадьбах, чем лишили серьезного дохода. А ведь все эти люди имели возможность жаловаться прихожанам на проповедях.

Рюльер отлично разобрался в ситуации: «Петр III приближал свое падение поступками, в основании своем добрыми; они были губительны для него по его безвременной торопливости и впоследствии совершены с успехом и славою его супругою. ... Небесполезно было для блага государства отнять у духовенства несметные богатства, и Екатерина, по смерти его, привлекая на свою сторону некоторых главнейших [иерархов] и одарив их особенными пансионами... без труда осуществила сию опасную реформу. Но Петр III своенравием чистого деспотизма, приказав сие исполнить, возмутил суеверный народ и духовенство... Оно возбуждало их (прихожан. – *О.Е.*) к мятежу и льстило их молитвами и отпущением грехов».

Мемуары Болотова показывают, что в обществе намерения Петра воспринимались однозначно как желание заменить православие лютеранством: «Он вознамерился было переменить совершенно религию нашу, к которой оказывал особенное презрение. Он призвал первоприсутствующего [Святейшего Синода] архиерея новгородского Дмитрия Сеченова и приказал ему, чтобы в церквях оставлены были иконы только Спасителя и Богородицы, а других бы не было, также, чтоб священники обрили бороды и носили платье, как иностранные пасторы... И хотя дело на этом до времени остановилось, однако произвело во всем духовенстве сильное недовольствие, содействовавшее потом очень много перевороту».

Об этом приказе сообщил в Версаль в зашифрованном донесении 28 мая Бретейль. Архиепископ осудил намерения царя, ему пригрозили ссылкой в Сибирь и даже удалили на время из столицы, но вскоре вновь вернули, чтобы не вызвать волнений в народе.

Любопытно, что эти меры Штелин назвал «веротерпимо-стью». Однако не стоит думать, что все шаги Петра в духовной сфере клонились к оскорблению подданных. Начал он действительно с просвещенческих мер: 7 февраля, еще до секуляризации, последовал сенатский же указ «О защите раскольников от чинимых им обид и притеснений». Штрафы, взимаемые со старообрядцев, снизились, им стало гораздо легче возвращаться в Россию. Этот акт предварял екатерининскую политику в данной сфере.

Однако личное поведение очень вредило царю. Не желая посещать православные храмы, Петр III часто присутствовал на богослужениях в католических и лютеранских. Были выделены средства на строительство кирхи, что страшно разозлило петербуржцев. Шумахер сообщал: «Когда распространился слух, что император собирается сделать лейб-гвардией несколько своих голштинских полков и один прусский и выстроить для них в Санкт-Петербурге лютеранскую кирху напротив русской церкви Св. Исаакия, сломанной за ее ветхостью, то их (гвардейцев. – *О.Е.*) ненависть к нему достигла крайности».

Здесь уже все недовольства слились воедино: церковь ломают, кирху строят, русских в гвардии заменяют немцами... Создается впечатление, что единственные, к кому Петр не желал быть веротерпим, – его православные подданные. А.Б. Каменский точно заметил: «Символом всего того, что он так не любил в России, стала для Петра III православная церковь».

Таким образом, наследник Елизаветы не принимал саму сердцевину своей новой родины, ее душу. А значит, не мог быть принят сам. Шутовство и кривляние в храме, так забавлявшее императора, воспринималось прихожанами как признак одержимости. Показывать язык, глядя на иконы, а потом приказывать вынести их – достойное деяние для православного царя!

Настораживал и упорный отказ от миропомазания. По христианскому учению, через миропомазание на правителя нисходят особые дары Святого Духа, которые должны помочь ему царствовать. Поэтому миропомазание вовсе не тождественно коронации и в глазах верующих не может быть заменено ею. Петр считал такой подход суеверием, а в результате не признавался значительным числом подданных как в полной мере законный государь. Недаром Екатерина приняла миропомазание в первый же день переворота – 28 июня – после присяги полков.

Рюльер подчеркивал, какое благоприятное впечатление этот шаг произвел на народ: «В полдень первое российское духовенство, старцы почтенного вида... украшенные сединами, с длинными белыми бородами, в блестящем и приличном одеянии, приняв царские регалии, корону, скипетр и державу, со священными книгами, покойным и величественным шествием проходили через всю армию, которая с благоговением хранила тогда молчание. Они вошли во дворец, чтобы помазать на царство императрицу, и сей обряд производил в сердцах впечатление, которое, казалось, придавало законный характер перевороту».

Петр же отвергал значение обрядности. Здесь, как и во многом другом, ему дурную службу сослужил пример Фридриха II. Последний тоже не принял миропомазания перед коронацией. Чем вызвал осуждение со стороны благочестивой Елизаветы Петровны.

Кроме того, Фридрих был известным масоном. В частности, он являлся Великим мастером ложи «Трех Глобусов», которой подчинялась ложа «Трех Корон» в Кенигсберге, куда вступили многие русские офицеры. Таинственная атмосфера, в которой проводились орденские работы, внушала сторонним наблюдателям подозрения. Поэтому Петру III очень повредили слухи о масонской ложе, заседавшей в Ораниенбауме. По некоторым данным, император оказался посвящен еще за границей, то есть совсем мальчиком. Ложа «Постоянства», членом которой был также Д.В. Волков, находилась в загородной резиденции и, вероятно, совпадала с иностранной петербургской ложей под тем же названием. Подражая своему кумиру, Петр III объявил себя покровителем вольных каменщиков, подарил «Постоянству» дом в столице и сам руководил масонскими работами. Нетрудно догадаться, сколько толков это вызывало у просто-народа.

25 июня 1762 г., всего за три дня до переворота, вышел новый императорский указ, уравнивавший в правах все религии. В отличие от предыдущих – сенатских, – этот акт имел более высокий статус, поскольку был издан самим государем. Подобный шаг в просвещенческом ключе можно было бы назвать проявлением «веротерпимости», если бы не волна религиозного озлобления, которую он вызвал и которую нетрудно было предвидеть.

Петр лишал православие, исповедуемое подавляющим большинством его подданных, господствующего положения. Именно о таком поведении мужа Екатерина писала в Манифесте 6 июля: «Он возмечтал о своей власти монаршей, якобы она не от Бога... Не имев, как видно, он в сердце своем следов Веры Православной Греческой (хотя в том довольно и наставляем был), коснулся переее всего древнее православие в народе искоренить своим самовластием... И сим образом православными владычествовать восхотел, начав истреблять страх Божий».

Так Петр Федорович постепенно стал восприниматься «врагом рода человеческого», а благочестивая императрица – защитницей веры.

«Все бездельники»

Особое раздражение подданных вызвал приезд многочисленных родственников государя. Позднее, когда Екатерина II станет императрицей, она не пригласит в Петербург никого из своей родни. Согласно одному из анекдотов, отозвавшись: «В России и так слишком много немцев». Было неразумно лишний раз напоминать о своем происхождении, а пример покойного мужа выглядел весьма красноречиво.

Буквально на другой день по восшествии Петр послал курьера за своим двоюродным дядей, принцем Георгом Людвигом Голштинским, генералом прусской армии. Молодой император прочил его в герцоги Курляндские. Когда-то именно Георг Людвиг сватался к юной Екатерине. Ныне принц был женат, имел маленького сына, отличался крутым нравом и чисто семейной склонностью к фрунту. Петр проявлял к нему чрезвычайную привязанность: ведь этот человек досконально изучил прусскую школу муштры. Штелин, склонный в дурных поступках ученика видеть стороннее влияние, отмечал, что после приезда принца Георга Петр стал меньше заниматься государственными делами, слишком много времени «употребляя на военное дело, в особенности на его внешнюю сторону: перемену формы гвардейских и полевых полков».

Принц Георг был пожалован в фельдмаршалы и полковники лейб-гвардии Конного полка с содержанием 48 тыс. в год. Его дурное обращение с подчиненными немало способствовало перевороту. Другой дядя, Петер-Август-Фридрих Голштейн-Бок, также получил фельдмаршальский чин и стал генерал-губернатором Петербурга, командовавшим всеми полевыми и гарнизонными полками, расквартированными в столице, Финляндии, Ревеле, Эстляндии и Нарве. Кроме мужской половины Голштинского дома имелась и женская, которую Петр также спешил облагодетельствовать. «В новом дворце император поместил молодую принцессу Голштейн-Бок, дочь фельдмаршала, – писал Штелин, – ...она получила орден Св. Екатерины, также и молодая вдова... принца Карла Голштейн-Бок... и еще супруга принца Георгия. Остальные принцессы и родственницы Голштинского дома, жившие тогда в Кенигсберге... должны были также получить пенсию».

Эти люди плотным кольцом окружили молодого императора, отесняя тех из русских советников, кто на первых порах поддерживал Петра. Они претендовали на влияние и крупные денежные пожалования, а сам государь охотно шел им навстречу, ибо то было его сокровенным желанием. Петр оказался на удивление семейным человеком. Долгие годы он чувствовал себя оторванным не только от родины, но и от родных – сиротой, лишенным кровного участия и тепла. Елизавета, помимо прочего, была слишком русской, чтобы племянник всерьез воспринимал родство с ней. Не нашел он близости и у жены, которая всеми силами старалась стать именно тем, что ему не нравилось, – православной царевной. Многочисленные дядья, их жены и дети создавали у Петра иллюзию долгожданной семьи, огромной фамилии. Теперь он мог им благодетельствовать, выступать в роли сильного и щедрого покровителя – это льстило. В новом положении Петр чувствовал себя уютно и не задумывался, что фактически платит за любовь чужим людям. Ведь прошло слишком много времени с тех пор, как принц-епископ Любекский представлял своего девятилетнего воспитанника семье.

А ведь в России были лица, которые со своей стороны претендовали на роль «семьи императора». Родственники его официальной фаворитки. Поначалу Петр сделал Воронцовым щедрые дары. Благодаря супруге канцлера – двоюродной сестре покойной государыни – он именовал их родственниками императрицы, то есть подчеркивал близость к августейшей фамилии. Отец фаворитки, Роман Илларионович, получил графский титул. Воронцовы заметно потеснили Шуваловых и готовились после брака Елизаветы Романовны навсегда утвердить за собой первенствующее место.

Петр поначалу поощрял эти надежды. Во время первого же приезда Дашковой ко двору 30 декабря 1761 г. он сообщил ей, что намерен сделать ее сестру императрицей. «Когда я вошла в гостиную, – вспоминала княгиня, – Петр III сказал мне нечто, что относилось к моей сестре и было так нелепо, что мне не хочется повторять его слова. Я притворилась, что не поняла их».

Однако государь был слишком ветрен и влюбчив, чтобы долго наделять одну Елизавету Романовну своим вниманием, когда все женщины двора были к его услугам. Он не отказывался от женитьбы, но считал себя вправе повеселиться на стороне. «Император еще более умножил знаки внимания к девице Воронцовой, – доносил 11 января Бретейль. – Он назначил ее старшей фрейлиной, у нее собственные апартаменты во дворце, и она пользуется всевозможными отличиями... Императрица оказалась в пренебрежительном положении и подвергается ничуть не скрываемому дурному обращению. Она с превеликим трудом переносит таковое отношение к ней императора и надменность девицы Воронцовой».

Последняя уже примеряла корону, как вдруг... «Порыв ревности девицы Воронцовой за ужином у великого канцлера, – сообщил 15 февраля Бретейль, – послужил причиной для ссоры ее с государем в присутствии многочисленных особ и самой императрицы. Желчность упреков сей девицы вкупе с выпитым вином настолько рассердили императора, что он в два часа ночи велел препроводить ее в дом отца. Пока исполняли сей приказ, к нему опять возвратилась вся нежность его чувствований, и в пять часов все было уже снова спокойно. Однако четыре дня назад случилась еще более жаркая сцена при таких выражениях с обеих сторон, каковые и на наших рынках редко услышишь. Досада императора не проходит, равно как и знаки его внимания к девице Шаликовой, тоже придворной фрейлине. Ей семнадцать лет, она довольно хороша собой, но, к сожалению, горбатенькая».

Минутную неверность императора еще можно было перенести. Но каждая новая пассия метила в фаворитки и всячески подчеркивала оказанное ей внимание. Щербатов нарисовал характерную сценку. «Княгиня Елена Степановна Куракина была привождена к нему (Петру III. – *О.Е.*) на ночь Львом Александровичем Нарышкиным, и... бесстыдство ее было таково, что, когда по ночевании он ее отвозил домой поутру рано и хотел, для сохранения чести ее, и более чтобы не учинилось известно сие графине Елизавете Романовне, закрывши гардины ехать, она, напротив того, открывая гардины, хотела всем показать, что она с государем ночь провела».

Ни по уму, ни по характеру, ни по железной воле «Романовна» не годилась в русские графини Помпадур. Какой бы «трактирной служанкой» она ни выглядела в глазах Бретейля, эта простая, грубая женщина любила Петра III, а он всегда возвращался именно к ней. У ссоры, которую нарисовал французский дипломат, было продолжение. Его описала наша героиня, хотя и назвала другое место ужина: «Император ужинал у графа Шереметева; тут Елисавета Воронцова приревновала не знаю к кому и приехала домой в великой ссоре. На другой день после обеда, часу в пятом, она прислала ко мне письмо... что она имеет величайшую нужду говорить со мной... Я пошла к ней и нашла ее в великих слезах; увидя меня, долго говорить не могла; я села возле ее постели, зачала спросить, чем больна; она, взяв руки мои, целовала, жала и обмывала слезами. Я спросила, об чем она столь горюет? ... Она посвободнее стала от слез и начала меня просить, чтоб я пошла бы к императору и просила бы... чтоб он ее отпустил к отцу жить, что она более не хочет во дворце оставаться... понеже все бездельники, а одна я, на ком она полагает свое упование».

Екатерина передала просьбу, но Мельгунов и Нарышкин устроили поссорившимся любовникам примирение. Петр был весьма раздосадован на фаворитку и, чтобы поддеть жену, рассказал ей, как «Романовна» отказывалась надеть ее портрет, «когда он ее пожаловал камер-фрейлиною, и хотела иметь его портрет». «Он думал, что осержусь, – передавала Екатерина, – но, когда увидел, что я тому смеюсь, тогда вышел вон из комнаты».

Такие сцены, конечно, не прибавляли спокойствия дворцовой жизни. И не укрепляли положения клана Воронцовых. В любую минуту фаворитка из-за своей необузданной ревности могла потерять благоволение государя. Видимо, родные объяснили девице, что в надежде на будущее полезнее смириться с мимолетными изменами императора. Судя по поведению «Романовны» в летних резиденциях, куда Петр уезжал в окружении целого букета красавиц, она научилась сдерживаться и даже стала чем-то вроде предводительницы этого летучего отряда. Первой, но не единственной из любовниц.

Тем временем у родных дела складывались совсем не так хорошо, как мечталось. Да, Петр давал Воронцовым ответственные поручения. Так, Роман Илларионович возглавил комиссию по составлению нового Уложения, но неизменно встречал здравые возражения императора при попытке внести в проект пункты о монополии дворянства на владение земель и содержание промышленных предприятий. Брат фаворитки Александр Романович был назначен полномочным министром в Лондон. По дороге молодой камергер должен был заехать в Пруссию, и царь писал Фридриху II: «Он умен и полон усердия и доброй воли, и я думаю, что он сделает все, чтобы хорошо исполнить мои приказания». Вот ключевые слова. Петр хотел приказывать, а не советоваться.

Хитрец-канцлер вернулся ко двору только 8 января, после того как «был при смерти от одышки вместе с сильной горячкой». Когда переход власти в руки Петра совершился без ожидавшихся эксцессов, в болезни Михаила Илларионовича наступил «спасительный перелом». Однако тут ему предстояло узнать о курьере, которого император отправил в Берлин еще 25 декабря, едва Елизавета испустила дух. Старый дипломат был потрясен, он попытался отговорить Петра от немедленного мира с Пруссией, но, видимо, с самого начала не уповал на успех. «Сегодня хозяин – император, – сказал он Бретейлю 11 января, – мне неизвестны его затаенные взгляды и намерения... Поверьте, если я сохраню мой пост, то сделаю все для блага наших дружеских отношений».

Слова, слова... Воронцов, как никто другой, понимал катастрофичность царского шага для международного авторитета России. Но желание не потерять должность заставило его смириться. Щербатов в насмешку писал, что «тихой обычай» не позволял Михаилу Илларионовичу «оказывать разум». Именно эта «тихость» характера и помогла канцлеру остаться на плаву. Однако в связи с пропрусскими шагами императора он попал в очень сложное положение.

20 мая вместо Конференции при высочайшем дворе был создан Совет, первое заседание которого состоялось через четыре дня. Его членами стали оба голштинских принца, дяди императора, Миних, старик Трубецкой (тот самый, кого Дашкова застала затянутым в военную форму), канцлер Воронцов, генерал-фельдцейхмейстер Вильбоа, князь Волконский, Мельгунов и Волков.

Любопытно, что в состав Совета не вошли ни Глебов, ни Иван Шувалов. Последний сосредоточил в своих руках управление сухопутным, морским и артиллерийским шляхетскими корпусами, одновременно оставаясь куратором Московского университета, – то есть исполнял роль министра просвещения. Однако он претендовал на большее со своим проектом «Фундаментальных законов» и идеей присоединения Восточной Пруссии.

В какой-то момент Воронцовы и Шуваловы попытались снова объединиться, чтобы удержать ускользающее влияние. Когда Екатерина посещала фаворитку мужа, та проболталась: «В другой комнате сестра моя, Анна Михайловна Строганова (урожденная Воронцова. – О.Е.), сидит с Иваном Ивановичем Шуваловым». «Значит, она им доставила свидание в то время, как беседовала со мной», – заключила императрица. Это случилось всего через несколько дней после смерти Елизаветы. Два важнейших клана еще не знали, как пойдут дела, и пытались нащупать почву для сближения. Дочь канцлера, долгое время оставшаяся любовницей

Никиты Панина, а до этого близкая с Михаилом Дашковым, мужем двоюродной сестры, легко могла послужить посредницей.

Однако время и для Шуваловых, и для Воронцовых было упущено. Наблюдатели отмечали, что в окружении Петра все большее место занимают люди пустые и не сведущие в делах. Император тяготился теми, кому был обязан. Новые друзья буквально закружили его в вихре развлечений, оторвав от работы и заслонив собой тех вельмож, кто на первых порах подстраховывал шаги молодого монарха. «Доброму императору не хватало умных и верных советников, – рассуждал Шумахер, – а если и было сколько-нибудь таких, что желали добра ему и стране и имели достаточно мужества, чтобы ясно объявить ему последствия его непродуманных действий, то их советы выслушивались редко и еще реже им следовали, если это не совпадало с настроениями императора. Его всегда окружали молодые, легкомысленные и неопытные люди, равнодушные к судьбе страны... Честь их государя была им совершенно безразлична, но их советам, никогда не противоречащим его склонностям, император всегда оказывал предпочтение перед мнением заслуженных и порядочных людей».

Одним из таких безголовых приятелей был шталмейстер Нарышкин, чьи слова Екатерина привела как бы в насмешку над мужем: «Это царство безумия, все наше время уходит на еду, питье и на то, чтобы творить сумасбродства».

Уже после переворота Кейт доносил: «К сожалению, отвращение его (Петра. – *О.Е.*) от дел вследствие дурного влияния недостойных фаворитов привело к всеобщему расстройству. Ошибочно почитая себя любимым всей нацией за совершенные им при восшествии на престол великие благодеяния, впал он в пагубные для него беспечность и нерадение... Непрестанный вихрь и суэта вкупе с лестью низменных куртизанов до некоторой степени повредили его рас-судок».

Совет или сенат

Как же согласовать множество вышедших законодательных актов с «непрестанным вихрем» развлечений, в который был погружен Петр, по уверениям даже самых доброжелательных к нему лиц? За два дня до переворота – 26 июня – государь подписал 14 указов, весьма разных по содержанию, отмечает Мыльников. Его «стремительная законодательная деятельность... оборвалась буквально на полуслове – ни о каком ее спаде говорить нет оснований». Действительно, количество появлявшихся ежемесячно указов стабильно. Но не их качество. После февральского «залпа» тремя важнейшими актами правительство занималось в основном частными вопросами, откликаясь на повседневные запросы. О направлении дополнительных рабочих в Адмиралтейство, о кладбищах Немецкой слободы в Москве, о запрете строить деревянные дома в центре Петербурга. То есть тем, что во времена министерств назовут «трясункой», или «вермишелью».

Таких дел исключительно много при каждом государе, но они далеко не всегда оформляются указами – их категория ниже. Иногда было бы достаточно распоряжения, записанного в журнал. Зачем же понадобилось повышать делопроизводственный статус подобных решений?

Как мы уже говорили, Совет получил право публиковать от имени Петра III указы по второстепенным вопросам. Так и набрались многочисленные «законодательные акты» о праздновании солдатских жонках и ремонтных работах по Московскому тракту. Раньше этим занялся бы Сенат. Но с 1 июня ему было запрещено обнародовать указы без утверждения государя. Первый шаг вел к сосредоточению власти в узком кругу приближенных императора. Вторым был наступлением на права высшего государственного учреждения.

В Совете главную роль быстро стал играть Волков – на-иболее одаренный и расторопный из чиновников этого органа. По удачному выражению Миниха, Волков «водил рукой и был ушами государя»: «то, с чем соглашался Волков, и составляло образ правления при императоре Петре III». Екатерина писала об этом человеке: «Про него тогда думали, что главу имеет необыкновенную, но оказалось после, что хотя был быстр и красноречив, но ветрен до крайности, и понеже писал хорошо, то более писывал, а мало действовал, а любил пить и веселиться». Но именно такой характер более всего подходил к нравам императора – золотое перо и удалой собутыльник. Волков сумел потеснить Глебова, слишком плотно связанного с Шуваловыми.

Запрещение Сенату самостоятельно издавать указы было серьезным ударом по положению генерал-прокурора. В то же время Совет, где всем заправлял Волков, получил от Петра возможность бесконтрольно пользоваться его именем.

Фридрих Великий. Художник А. Песне

Такой шаг был небесполезен ввиду чаемого отъезда императора на театр военных действий с Данией. Но прежде, например, при Петре I, в подобных случаях правление сосредоточивалось в руках Сената. Перенося тяжесть решения дел на Совет, Петр показывал, что не доверяет почтенным сановникам. Отсюда проистекли обиды, и в конце концов высший государственный орган поддержал Екатерину.

Оттеснение от реальной власти двух виднейших кланов и – шире – отказ от опоры на Сенат имели самые пагубные последствия для Петра. Пока он подписывал проекты, выработанные опытными советниками, его популярности ничто не грозило. Как верно заметил А.Б. Каменский: «Важнейшие реформы Петра III были, по сути, лишь реализацией задуманного и разработанного до него». Стоило императору сойти с проторенной дороги – и государственная телега забуксовала. Еще 1 февраля Бретейль признавал, что новые законы «прибавляют мудрости внутренней администрации и имеют целью поднять престиж этого государя, представить его в ином свете по сравнению с тем, как на него привыкли смотреть». Однако уже вскоре эти усилия пошли прахом.

«Найдите денег, где хотите»

Одной из важных причин переворота была финансовая. Хотя ее обычно забывают указать в списке претензий населения к новому монарху. Куда более броские – измена православию, мир с врагом, оскорбление бранной славы России – затмевают скучный меркантильный интерес. Но как-никак жалованье хотел получать каждый чиновник и офицер, а любая торговка на рынке желала, чтобы ей платили полновесной монетой.

В момент смерти Елизаветы Петровны финансы страны находились в плачевном положении. Казна была опустошена войной, займы потрачены. Армии не плачено более чем за полгода. В записке «О собственном царствовании» Екатерина вспоминала: «Блаженной памяти государыня... во время Семилетней войны искала занять два миллиона рублей в Голландии, но охотников на тот заем не явилось, следовательно, кредита или доверия к России не существовало».

Если стабильно царствовавшей 20 лет монархине не одолжили денег, то ее племянник, едва вззошедший на престол и начавший с разрыва международных обязательств, тем более не вызывал доверия. Займов не предвиделось. Однако был иной способ. Заехав однажды в Петропавловскую крепость, император осмотрел Монетный двор и, увидев чеканку новых рублей, воскликнул: «Эта фабрика мне нравится более многих других. Если б она прежде принадлежала мне, то я умел бы ею воспользоваться».

На первых порах кое-какие средства у государя все-таки были благодаря неожиданному «наследству» тетки. В последние годы у Елизаветы развились странные склонности: она копила и припрятывала драгоценности, золото, серебряные рубли. После ее смерти в кабинете нашли 600 пудов серебра, 67 пудов золота, 1,5 млн империялов и на 2 млн неотчеканенной монеты, всего денег – от 3 до 4 млн. Таким образом, замечает Е.В. Анисимов, в кабинете императрицы воюющей уже пять лет державы лежали средства годового бюджета. Но она считала их как бы не государственными, а своими собственными.

Екатерина по этому поводу писала: «В конце своей жизни императрица Елисавета скопила, сколько могла, и держала свои деньги при себе, не употребляя их ни на какие нужды империи; последняя нуждалась во всем, почти никому не платили. Петр III поступал приблизительно так же. Когда у них просили на нужды государства, они гневались, отвечая: “Найдите денег, где хотите, а отложенные – наши”. Он, как и его тетка, отделяли свой личный интерес от интереса империи». Между тем «армия была в Пруссии, и платы не хватало уже восемь месяцев; цена хлеба в Петербурге поднялась вдвойне против обычной стоимости».

Необходимы были срочные меры. Из записок Штелина видно, как император, сначала щедрой рукой раздававший пожалованья, стал испытывать нехватку наличных средств. В канун Пасхи, 6 апреля, двор переселился в новый Зимний дворец. Встретив государя, пришедшего как бы «инкогнито», архитектор Бартоломео Растрелли вручил ему «план всего дворцового строения». Петр забрал чертежи и уже в своих покоях сказал свите: «Я должен подарить что-нибудь Растрелли. Но деньги мне самому теперь нужны. Я знаю, что сделаю, и это будет для него приятнее денег. Я дам ему свой голштинский орден». Задуманный молодым государем поход против Дании потребовал бы больших средств, а потому с зодчим он хотел «разделиться честно, не тратя денег».

Еще в январе благодаря смене генерал-прокурора Сената удалось запустить проект П.И. Шувалова, который двумя годами ранее не прошел из-за противодействия Я.П. Шаховского. Будучи начальником экспедиции по переделке медных денег, Шувалов предлагал перечеканить всю медную монету так, чтобы из пуда выходило не 16 рублей, а 32. После чего всю полученную сумму пустить на займы по 4 % под залог недвижимого имущества, главным образом имений. Идея привлекла сенаторов, но Шаховской добился личной аудиенции у Елизаветы

Петровны и постарался доказать ей: мелковесная дешевая монета вызовет в стране инфляцию. В результате императрица не утвердила проект Петра Шувалова.

Теперь к идее решили вернуться. 17 января последовал указ о чеканке новой, облегченной, монеты. Не стоит путать процесс облегчения медных денег с выпуском тогда же новых серебряных монет. Появление серебряного рубля с профилем взошедшего на престол монарха лучше любых манифестов оповещало жителей громадной страны о важной перемене. С этими серебряными рублями была связана курьезная история. «Художник, долженствовавший вырезать новые монеты, – писал Рюльер, – представил рисунок императору. Сохраняя главные черты его лица, старались их облагородить. Лавровая ветвь небрежно украшала длинные локоны распущенных волос. Он, бросив рисунок, вскричал: “Я буду похож на французского короля!” Он хотел непременно видеть себя во всем натуральном безобразии, в солдатской прическе и столь неприличном величию престола образе, что сии монеты сделались предметом посмеяния и, расходясь по всей империи, произвели первый подрыв народного почтения».

Француз, без сомнения, пристрастен, тем более что оказался задет его повелитель. Но Петр действительно выглядел на рублях очень просто: с длинной косицей, прилизанными волосами, вытянутым вперед носом и маленьким, скошенным подбородком. «Враг всякой предствительности», как называл его Фавье, он и здесь не изменил себе, не пожелав даже на портрете превратиться в некое мифологическое существо. Любопытная деталь – отказавшись подражать Людовику XV, Петр фактически скопировал облик своего кумира Фридриха II с прусских серебряных денег.

Однако королям – в лавровых они венках или «в натуральном безобразии» – очень нужны те самые монеты, на которых они могли бы оттиснуть свой профиль. Кое-какие средства должны были дать откупа. Екатерина вспоминала: «Почти все отрасли торговли были отданы частным людям в монополии. Таможни всей империи Сенатом даны были на откуп за два миллиона». Купцы Шемякин и Савва Яковлев обратились в Сенат с просьбой отдать им таможенные сборы на откуп сроком на 10 лет, что и было сделано. Однако тут же император распорядился вывозить беспрепятственно хлеб из всех портов, собирая половинную пошлину. Второй шаг был и разумнее, и полезнее для развития торговли, чем первый. Но купцы, вступившие в сделку с государством, оказались внакладе, поскольку их августейший партнер поменял правила игры. Вряд ли это могло вызвать к нему доверие у крупных дельцов. Рассчитывать на долгосрочные проекты с государством становилось невыгодно.

23 мая Сенат поставил Петра в известность о состоянии казны. Это была умная попытка без навязчивых уговоров, одними цифрами объяснить невозможность новой войны. Доход состоял из 15 350 636 руб. Расход – 16 502 660 руб. На войско шло 10 418 747 руб. На личные расходы государя – в «комнату его величества» – 1 150 000 руб. На содержание двора – 603 333 руб. На нужды Малороссии непосредственно в руки гетману – 98 147 руб. На чрезвычайные расходы, включающие покрытие прежних долгов, – 4 232 432 руб. Таким образом, дефицит бюджета составлял 1 152 023 руб. Сенаторы возлагали надежду на то, что сборы с винных откупов, соляных промыслов, налог с черносошных крестьян (все это в годы войны шло на содержание заграничной армии) вернутся в отечество и недостаток будет восполнен. Прозрачнее намекнуть невозможно.

Но в том-то и беда, что Петр не собирался отзывать войско из Европы. Напротив, для приведения его в лучшую боевую готовность перед новой войной требовались дополнительные средства. Не случайно еще в начале мая Сенату пришлось отложить на неопределенный срок давно задуманное строительство канала от Рыбной слободы до реки Волхов. Тогда же, 7 мая, Сенат принял решение, чтобы поступавшие в казну серебряные ефимки (иоахимс-талеры) в оборот не выдавались. Они переплавлялись в отечественные монеты и оседали в казне «ради умножения серебра в государстве». Благородный металл требовалось скопить и придержать.

Шумахер сообщал, что для войны с Данией планировалось «прибегнуть к сокращению обращения серебряной монеты при удвоении медной и удержанию двух третей жалованья у всех гражданских служащих». Последнее не имело большого значения, так как денег и так не платили.

11 мая император, впервые после Петра I, приказал остановить каменное строительство и любые денежные раздачи «сверх штатной суммы», последнее выглядело издевательством, поскольку жалованья никто не видел. Причиной было названо «великое число доставляемых к армии» денег. После такого заявления даже слепой должен был понять, что Россия вновь вступает в войну.

Вместо серебра подданным предлагалась не то что медь – бумага. 25 мая последовал именной указ императора об учреждении банка. «... Не перестаем мы помышлять, – было сказано в документе, – о изобретении легчайшего и надежнейшего средства: хождение медных денег облегчить и в самой коммерции удобным и полезным сделать. Учреждение знатного государственного банка, в котором бы все и каждый по мере своего капитала... за умеренные проценты пользоваться могли, и хождение банковых билетов представилось тотчас яко самое лучшее и многими в Европе примерами изведенное средство». В банк было положено сначала два миллиона, а в течение трех лет государь сулил положить еще три.

Надлежало «наделать как наискорее банковских билетов на пять миллионов рублей на разные суммы, а именно на 10, 50, 100, 500 и 1000». Эти билеты направлялись в правительственные учреждения, «откуда наибольшая выдача денег бывает», чтобы их «употребляли в расход как самые наличные деньги, ибо мы хотим и сим повелеваем, чтобы сии билеты и в самом деле за наличную монету ходили». Государь обнадеживал подданных, что банк в любую минуту и без всякой проволочки будет обменивать бумажные деньги на серебро и медь, а последние – на билеты «на равную сумму». Но для того, чтобы жители страны согласились на подобный шаг и понесли свои капиталы в банк, требовалось доверие к государству. А его не было.

Точно так же, как царь «надул» купцов, взявших таможенные сборы на откуп, он мог поступить с теми, кто поместил в банк полновесную монету, а получил бумажные билеты. Даже в сравнительно благополучное царствование Екатерины II, все-таки сумевшей внедрить бумажные деньги, курсы серебра, меди и банковских билетов были различны. Они колебались в зависимости от войны и мира, неурожая, засухи и в худшие времена при расчетах 15 копеек серебра «променивались» на один бумажный рубль.

Устанавливать же равенство серебряного рубля бумажному, как это было сделано в указе 25 мая, значило либо сильно оболыщаться, либо стремиться к отъему благородного металла у населения. Последнее намерение указ просто выбалтывал в заключительных строках: «Передел медных денег в легчайшую монету из тяжелой по прежнему плану неотменно продолжать, но... оной в казну не брать, а велеть, чтоб заводчики отпускали оной больше за море и продавали на ефимки». Итак, государство не хотело принимать налоги медью. По крайней мере владельцы крупных предприятий должны были позаботиться об обмене ее за границей на серебряные деньги, кои и привезти в отечество. Хлопотное, не всегда прибыльное и неудобное к исполнению силами самих «заводчиков» дело.

По иронии судьбы первые бумажные билеты появились как раз в канун переворота, и часть их была употреблена на раздачу жалованья гвардейцам. 6 июля в письме из Ропши Алексей Орлов сообщал Екатерине: «У нас здесь было много смеха над гренадерами от червонных: когда они у меня брали, иные просили для того, что не видывали, и опять их отдавали, думая, что они ничего не стоят».

Екатерине пришлось попотеть, чтобы выправить ситуацию. «Монетный двор со времен царя Алексея Михайловича считал денег в обращении сто миллионов, из которых сорок почти вышли из империи вон... Шестьдесят миллионов рублей, кои остались в империи, были две-

надцати разных весов, серебряные, от 82-й пробы до 63-й, медные – от сорока рублей с пуда до 32 рублей в пуде». Вскоре после коронации Монетный двор получил приказ всю серебряную монету перелить по 72-й пробе, которая была «менее способна к вывозу и подделке». А медную – по 16 рублей из пуда, на чем в свое время и настаивал Шаховской.

«Ваши выгоды – мои выгоды»

Венцом деятельности Петра III было его «миротворчество». Выход из Семилетней войны, заключение союза с Пруссией, переориентация внешней политики России и подготовка нападения на Данию. Эти шаги были настолько броски, что, говоря о причинах переворота, авторы нередко ограничиваются рассказом именно о них. И недаром. Разрыв Петербурга с альянсом противников Фридриха II в мгновение ока изменил расклад сил в Европе, сделав побежденного едва ли не победителем. А экстравагантная манера нового императора вести переговоры заставила задуматься о его здравомыслии.

Между тем Петр Федорович, как всегда, хотел лишь добра. Война с Фридрихом II была тяжелой, а тезис о ее пользе для страны весьма спорным. Казалось, так естественно прекратить кровопролитие и протянуть противнику руку. Тем более, когда противник уже повержен. Этот жест самому императору представлялся рыцарством. Советникам и иностранным дипломатам – безумием. Совсем как 40 лет спустя, когда Павел I будет вести переговоры с Наполеоном...

А.Г. Бобринский. Художник И. Христианек

Россия одержала победу, ее войска заняли большие территории, которыми предстояло или пожертвовать, получив контрибуцию, как настаивали союзники, или присоединить к империи, как хотела Елизавета. И в том, и в другом случае выгода была очевидна – контрибуция спасла бы казну от банкротства, а размен земель с Польшей привел бы в состав империи огромные православные территории.

От всего этого Петр III благородно отказался. Для того чтобы понять утраченные перспективы, стоит познакомиться с докладной запиской Фавье о планах России. «Камергер Шувалов взял на себя труд сделать первый приступ к императрице (Елизавете. – *О.Е.*), – доносил дипломат. – ...Он представил ей, что целое королевство, присоединенное к ее обширным владениям, увековечит ее славу гораздо прочнее всех подвигов ее войск». Честолюбивые братья Шуваловы доказывали, что «покорение Пруссии даст возможность окончательно поработить Польшу; что город Данциг тогда будет существовать только по милости России. Запертый... со всех сторон близким соседством русских войск, он под самым ничтожным

предлогом может сделаться их добычей. Или же... его легко можно будет обложить контрибуцией... Таким образом был бы приведен в исполнение любимый план Петра Великого... Раскидываясь все дальше и дальше вдоль Балтийского моря, была бы достигнута еще и другая цель этого великого императора – касательно флота и торговли».

Однако Шуваловы встретили оппонента в лице старого дипломата, сенатора и члена Конференции Ивана Ивановича Неплюева, который долгие годы прослужил резидентом в Стамбуле и хорошо знал южное направление внешней политики. Он считал, что прусские земли куда выгоднее было бы обменять на «польскую Россию». «Польша тем самым была бы совсем заперта со стороны Украины, и это сильно затруднило бы ее сношение с Турцией... К русской державе таким образом было бы присоединено несколько отрезанных от нее провинций».

Со своей стороны отметим, что в случае осуществления этого плана отпала бы перспектива разделов Польши. Елизавета мирным путем приобрела бы все, что позднее Екатерина II получила вооруженной рукой.

Ни одна из названных возможностей не заинтересовала Петра III. Он действовал с ошеломляющим бескорыстием. 25 декабря 1761 г., когда тело Елизаветы в прямом смысле слова не успело остыть, Петр отправил к Фридриху II в Бреславль своего любимца – камергера Андрея Гудовича, чтобы немедленно заключить перемирие и начать переговоры. Бретейль с большим опозданием, лишь 18 января, узнал о случившемся. До этого канцлер Воронцов просто не знал, как сообщить союзникам новость. В письме, «как меня уверяли, – доносил французский министр, – речь шла о желании возобновить давний союз и согласие России с Пруссией... Господин Кейт дал паспорта русскому посланцу, который отправился в Берлин прямо из дома английского министра».

Роль британского дипломата, которого разозленный французский коллега стал именовать «министром-фаворитом», действительно велика. Как союзник Берлина Лондон должен был приветствовать разрыв Петербургом обязательств перед Парижем и Веной. До приезда в русскую столицу эмиссаров Фридриха II английские дипломаты оказались в привилегированном положении. Петр с ближайшими друзьями посещал дом Кейта, где курил трубки и пил пиво. Английский посол – единственный из членов дипломатического корпуса – удостоился чести ужинать у фаворитки Елизаветы Воронцовой. Сам Кейт не без удовольствия писал о своих почти приятельских отношениях с молодым государем.

«После обеда император, который всегда удостаивал меня милостивого своего обращения, подошел ко мне и сказал на ухо, что теперь я должен быть доволен им, поелику вчера вечером послал он курьеров ко всем корпусам своей армии с приказанием не продвигаться более в прусских владениях и прекратить все враждебные действия. ...К ордеру сему присовокуплена была инструкция, уполномочивавшая генералов заключить перемирие, ежели пруссаки предложат таковое. ...Генерал Чернышев получил особый ордер отделиться от австрийского корпуса».

Приезд Гудовича застал Фридриха II врасплох. Король находился на грани полного разгрома, и смерть такого непримиримого врага, как Елизавета Петровна, была для него манной небесной. Но несчастья приучили прусского монарха не обольщаться, он предполагал, что новый царь пойдет ему навстречу. Однако притязания Фридриха были очень скромны. В инструкции своему эмиссару – полковнику Бернгарду Гольцу, посланному в Петербург с миссией мира, – король писал: «Доброе расположение русского императора позволяет надеяться, что условия [мира] не будут тяжки... 1) Они (русские. – *О.Е.*) предложат... возвратить нам Померанию, но захотят удержать Пруссию или навсегда, или до заключения общего мира. На последнее вы соглашайтесь. 2) Но если они захотят оставить за собой Пруссию навсегда, то пусть они вознаградят меня с другой стороны». То есть отдадут земли, равные владениям Бранденбургского дома. Король сам указал в инструкции желанный куш – Силезию. Таким

образом, поставленный в трудное положение Фридрих готов был пожертвовать ради заключения мира половиной королевства.

Полцарства за договор! Однако вскоре оказалось, что Петр мыслит иными категориями. «На каком основании можно было предположить, что переговоры в Петербурге примут благоприятный оборот? – рассуждал король. – Дворы версальский и венский гарантировали Пруссию покойной императрице; русские спокойно владели ею; молодой государь, вступивший на престол, откажется ли сам собою от завоевания? ...Для кого и для чего, по какому побуждению? Все эти трудные вопросы наполняли дух неизвестностью. Но исход дела был более счастливым, чем можно было ожидать... Оказалось, что Петр III имел превосходное сердце и такие благородные и возвышенные чувства, каких обыкновенно не бывает у государей. Удовлетворяя всем желаниям короля (Фридрих писал о себе в 3-м лице. – *О.Е.*), он пошел даже далее того, что можно было ожидать».

Уже 29 декабря 1761 г. были отпущены все прусские пленные. «Я не замедлил ни минуты отослать нужный приказ, чтобы пленные вашего величества, находящиеся у меня, были выпущены на свободу и как можно скорее выданы», – писал Петр III 15 февраля 1762 г. 12 февраля появилась официальная декларация о намерениях России, а 18 февраля последовал прямотаки донкихотский шаг – иностранным послам в Петербурге была вручена декларация, призывавшая их дворы последовать примеру России, установить в Европе общий мир и отказаться от любых завоеваний. Годами Фридрих II не желал вернуть Австрии отторгнутые территории, но теперь все державы – победительницы в Семилетней войне должны были, подобно России, не претендовать на прусские земли. Это было поистине благородство за чужой счет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.